

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

4
2019

No 4

IJSHR

2019

4/2019

**SOCIAL-HUMANITARIAN
REVIEW**

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

Editorial Board

E.P. Bazhanov,
doctor of historical sciences, professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

Е.П. Бажанов,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

I.S. Barchukov,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

И.С. Барчуков,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

V.K. Baturin,
doctor of philosophical sciences, candidate
of pedagogical sciences
(Russian Federation)

В.К. Батурин,
доктор философских наук, кандидат
педагогических наук (Российская Федерация)

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ю. Бельский
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Y.B. Borev,
doctor of philology,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

Ю.Б. Борев,
доктор филологических наук,
кандидат философских наук, профессор
(Российская Федерация)

V.N. Buzin,
candidate of sociology
(Russian Federation)

В.Н. Бузин,
кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

G.A. Vasilevich,
doctor of Law, professor
(Republic of Belarus)

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор
(Республика Беларусь)

R.B. Gandaloev,
candidate of political sciences
(Russian Federation)

Р.Б. Гандалоев,
кандидат политических наук
(Российская Федерация)

I.V. Groshev,
doctor of economic sciences, doctor of psycholog-
ical sciences, Honored worker of science of Russia, professor

И.В. Грушев,
доктор экономических наук,
доктор психологических наук
заслуженный деятель науки РФ, профессор

Редакционная коллегия

D.I. Gryadovoy,
candidate of philosophical sciences, associate professor
(Russian Federation)

Д.И. Грядовой,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

D. S. Patelis,
Associate Professor of Philosophy
Technical University of Crete

Д. С. Пателис,
Доцент философии
Технический университет Крита

D.D. Dolidze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

Д.Д. Долидзе,
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.Л. Золкин,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.A. Kazantseva,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

Л.А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

R. Kvarackheliya, doctor of law
(Georgia)

Р. Кварацхелия,
доктор юридических наук
(Грузия)

A. Kiknadze, doctor of politology
(Georgia)

А. Кикнадзе, доктор политологии
(Грузия)

A.A. Laskin,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

А.А. Ласкин,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

A.A. Lebedeva,
doctor of philology
(Russian Federation)

А.А. Лебедева,
доктор филологических наук
(Российская Федерация)

V.A. Lerekhin,
doctor of philosophical science,
the director general of the EurAsEC Institute
(Russian Federation)

В.А. Лепехин,
кандидат философских наук
генеральный директор Института ЕврАзЭС
(Российская Федерация)

V.P. Majkova,
Bauman Moscow State technical University
Doctor of Philosophical Science

В.П. Майкова,
Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана (Мытищинский филиал),
профессор кафедры педагогики, психологии, права,
истории и философии, доктор философских наук, доцент

A.M. Martazanov,
Doctor of Philological Science,
Professor, Rector of Ingush State University
(Russian Federation)

А.М. Мартазанов,
доктор филологических наук, профессор,
ректор Ингушского государственного университета
(Российская Федерация)

L.A. Nikitich,
doctor of philosophical science, professor
(Russian Federation)

Л.А. Никитич,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.M. Preygerman,
doctor of physical and mathematical sciences, professor
(Israel)

Л.М. Прейгерман
доктор физико-математических наук, профессор
(Израиль)

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences, professor,
honored worker of Science, corresponding
member of RAO (Russian Federation)

А.А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО (Российская Федерация)

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

A.P. Sadokhin,
doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.П. Садохин,
доктор культурологии, кандидат философских наук,
профессор (Российская Федерация)

L.G. Skulmovskaya,
Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Honored Worker of Culture
of the Khanty Mansiysk Autonomous Okrug,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

Л.Г. Скульмовская,
доктор социологических наук,
профессор, Заслуженный деятель культуры
Ханты Мансийского автономного округа,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ (Российская Федерация)

A.D. Ioseliani,
doctor of philosophical sciences, professor
Financialm University under the Government of the
Russian Federation

А.Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

A.M. Stolyarenko,
doctor of pedagogical sciences, doctor of psychology,
professor, honored worker of Russian higher school
(Russian Federation)

А.М. Столяренко,
доктор педагогических наук, доктор психологических
наук, профессор, заслуженный работник высшей школы
РФ (Российская Федерация)

D.A. Skhirtladze,
doctor of medicine (USA)

Д.А. Схиртладзе,
доктор медицины (США)

L.N. Terpan,
doctor of economic sciences, professor
(Israel)

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук, профессор
(Израиль)

Z.T. Toshchenko,
doctor of philosophical sciences, professor,
corresponding member of the Russian Academy of sciences
(Russian Federation)

Ж.Т. Тощенко,
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

T.Y. Fhakadze,
doctor of medical sciences (Russian Federation)

Т.Я. Фхакадзе,
доктор медицинских наук (Российская Федерация)

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Academician of the IASP (Republic of Kazakhstan)

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО (Республика Казахстан)

G.S. Chovdyrova,
doctor of medical sciences, doctor
of psychology, professor (Russian Federation)

Г.С. Човдырова,
доктор медицинских наук, доктор
психологических наук, профессор (Российская
Федерация)

L. Sharvadze,
doctor of medicine (Georgia)

Л. Шарвадзе, доктор медицины (Грузия)

A.A. Shirinyants,
doctor of political sciences, candidate of philosophical
sciences, professor of faculty of political science of MGU
(Russian Federation)

А.А. Ширинянц,
доктор политических наук, кандидат философских наук,
профессор факультета политологии МГУ
(Российская Федерация)

N.Y. Shtrecker,
doctor of pedagogical sciences, candidate
of philology, professor
(Russian Federation)

Н.Ю. Штрекер,
доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, профессор
(Российская Федерация)

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences, candidate of law,
doctor of economic sciences, professor
(Russian Federation)

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор
(Российская Федерация)

M. Yanich
University of Nish (Serbia) doctor of philosophical sciences

М. Янич,
Университет г. Ниш (Сербия), профессор философского
факультета, доктор филологических наук

CONTENTS 4/2019

**Registration certificate
433103973**

Chief editor

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.D. Ioseliani,
doctor of philosophical sciences,
professor

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.

E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:

V.N. Zakaidze

CEO of publishing house

«UNITY-DANA»

E-mail: unity@unity-dana.ru

Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,

Moscow, 123298

Tel./fax: +7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

Special correspondent

M.Ya. Nodia

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi, 0186,

Righteous Georgia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

in USA:

D. Skhirtladze, MD, MPH

3565 Edencroft Road, Huntingdon

Valley, Pennsylvania

+12157605939

E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

L.N. Tepman,

doctor of economical sciences,

professor

3, Tze'Elim, Yokneam

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,

professor, academician of the IASP 30,

Gagarin str., Shymkent

Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Edition and external reviewers don't bear responsibility for quality, correctness and a correctness of citing works by authors of articles. Responsibility for quality, correctness and a correctness of citing works are born only by authors of the published materials.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

V.Yu. BELSKY, A.L. ZOLKIN. Willard Quine's Logical Pragmatism: Philosophical Justification of Naturalistic Empiricism and the Problem OF Semantic Nihilism	5
A.N. BOROZDIN. The Essence of Extremism as a Socio-Political Phenomenon	10
V.E. GORBACH. Defense of the Crimean isthmus by the 3rd army corps of the Armed forces of Southern Russia in January 1920	16
I.V. POLOZOVA. Figurative and Metaphorical Pole of Philosophical Knowledge	22
T.A. ZOLKIN. World Practice of Stress Testing of the Banking Sector: Main Development Trends	27
T.V. MOLCHANOVA. Socio-legal Analysis of Minors: Demography and Statistical Characteristics of Unauthorized Abandonment of State Education Institutions by Minors in the Territory of the Sverdlovsk Region	32
D.V. SHIKUNOV. Philosophy in the Context of Modern Civilizational Development of Russia Review	39
V.Yu. Belsky, P.P. Marchenya, S.Yu. Razin. Russian Constitutionalism: Theoretical Projects and Historical Realities Part 1: Problem Statement	41
D.N. BOROVIKSKAYA. Creativity and Forms of Its Manifestation in the Conditions of Globalization	50
M.A. BASHLUEVA. Content and Structure of the Preparatory Process Cadets of Universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Pedagogical Prevention Drug Behavior of Pre-drug Youth	54
J.N. SITNIKOVA. The Concept of «Youth Subculture»: Historical Background and Forms of Appearance	60
D.V. SHIKUNOV. Problems of the Modern Humanitarian Education in Russia	67

СОДЕРЖАНИЕ 4/2019

Свидетельство о регистрации
433103973

Главный редактор

В.Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.В. Золкин,
доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.Д. Иселиани,
доктор философских наук, профессор

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат
юридических наук, доктор
экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

В.Н. Закаидзе

Генеральный директор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА»
123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1 Тел./факс:
+7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент

М.Я. Нодия

0177 Тбилиси,
пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия
Тел./факс: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Д. Схиртладзе,

доктор медицины
в США: штат Пенсильвания,
г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565
E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук, профессор
Июкнеам, ул. Цеелим, д. 8
E-mail: termn32@list.ru

в Республике Казахстан:

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО
г. Шемкент, ул. Гагарина, д. 30, кв. 57
Тел: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Отпечатано в цифровой типографии
ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
105066, Москва, ул. Новорязанская,
д. 38, стр. 1, пом. IV
Заказ

Редакция и внешние рецензенты не
несут ответственности за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений авторами
статей. Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
**несут исключительно авторы
опубликованных материалов.**

www.unity-dana.ru

www.niion.org

- В.Ю. БЕЛЬСКИЙ, А. Л. ЗОЛКИН.** Логический прагматизм
Уилларда Куайна: философское обоснование
натуралистического эмпиризма и проблема семантического
нигилизма 5
- А.Н. БОРОЗДИН.** Сущность экстремизма как социально-
политического явления 10
- В.Е. ГОРБАЧ.** Оборона 3-м армейским корпусом
Вооруженных сил Юга России Крымских перешейков
в январе 1920 года 16
- И.В. ПОЛОЗОВА.** Образно-метафорический полюс
философского познания 22
- Т.А. ЗОЛКИН.** Мировая практика стресс-тестирования
банковского сектора: основные тенденции развития 27
- Т.В. МОЛЧАНОВА.** Социально-правовой анализ
несовершеннолетних: демография и статистическая
характеристика самовольного оставления
несовершеннолетними учреждений государственного
воспитания на территории Свердловской области 32
- Д.В. ШИКУНОВ.** Философия в контексте современного
цивилизационного развития России 39
- В.Ю. Бельский, П.П. Марченя, С.Ю. Разин.** Российский
конституционализм: теоретические проекты
и исторические реалии Часть 1: Постановка проблемы 41
- Д.Н. БОРОВИНСКАЯ.** Творчество и формы его
проявления в условиях глобализации 50
- М.А. БАШЛУЕВА.** Содержание и структура процесса
подготовки курсантов вузов МВД РФ к педагогической
профилактике наркотического поведения допризывной
молодежи 54
- Ю.Н. СИТНИКОВА.** Понятие «молодежной субкультуры»:
исторические предпосылки и формы появления 60
- Д.В. ШИКУНОВ.** Проблемы современного гуманитарного
образования в России 67

Willard Quine's Logical Pragmatism: Philosophical Justification of Naturalistic Empiricism and the Problem OF Semantic Nihilism

Логический прагматизм Уилларда Куайна: философское обоснование натуралистического эмпиризма и проблема семантического нигилизма

Vitaliy Yurievich BELSKY,

doctor of philosophical sciences, Professor, head of the Department of sociology and political science Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Andrey Lvovich ZOLKIN,

Professor of the Department of philosophy, doctor of philosophical sciences Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot

E-mail: az20042004@mail.ru

Виталий Юрьевич БЕЛЬСКИЙ,

доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Андрей Львович ЗОЛКИН,

доктор философских наук, доцент профессор кафедры философии Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя доктор философских наук, доцент

E-mail: az20042004@mail.ru

Научная специальность: 09.00.03 — История философии

Научная специальность: 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры

Для цитирования: В.Ю. БЕЛЬСКИЙ, А. Л. ЗОЛКИН. Логический прагматизм уилларда куайна: философское обоснование натуралистического эмпиризма и проблема семантического нигилизма. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 5—9.

Annotation. In the article the logical pragmatism Of W. Quine is considered as a way to justify the radical version of naturalized empiricism on the basis of criticism of the distinction between analytical and synthetic truths in logical positivism. It is proved that the consistent implementation of this criticism leads to the threat of semantic nihilism.

Key words: history of philosophy, pragmatism, neopragmatism, naturalism, empiricism, reductionism, analysis, synthesis

Аннотация. В статье логический прагматизм У. Куайна рассматривается как способ обоснования радикальной версии натурализованного эмпиризма на основе критики различия аналитических и синтетических истин в логическом позитивизме. Доказывается, последовательное проведение этой критики приводит к угрозе семантического нигилизма.

Ключевые история философии, прагматизм, неопрагматизм, натурализм, эмпиризм, редукционизм, анализ, синтез

Начало академической карьеры Уилларда Вэн Ормана Куайна (1908—2000), было связано с исследованиями в области математической логики. После длительного пребывания в Европе в 1932—1933 гг. и знакомства с членами Венского кружка Ф. Франком, М. Шликом, Р. Карнапом, К. Геделем, а также, представителем Львовско-Варшавской аналитической школы А. Тарским, Куайн посвящает себя философии.

На становление философских воззрений Куайна значительное влияние оказал прежде всего Карнап, идеи которого стали и главным

объектом последующей критики. Значительное воздействие на Куайна оказали также Дьюи, чьи лекции он слушал в Гарварде в 1931 г., и Б. Скиннер, с которым Куайн сотрудничал также в Гарварде.

Философию Куайна в целом можно определить как проект радикализации эмпиризма, заложенного в доктрине логических позитивистов. Инструментами такой радикализации послужили две специфически американские теории — прагматизм и бихевиоризм¹. Сам Куайн называл себя «логическим прагматистом» прежде всего в силу своей бихевиори-

стской программы в философии языка. Однако это определение имеет поверхностное отношение к философской концепции прагматизма. Куайн всегда был ориентирован на европейскую философию и, как он отмечал в «Интервью»², познакомился с работами американских прагматистов довольно поздно³.

В историю аналитической философии Куайн вошел как мыслитель, подвергший решительной критике доктрину логического позитивизма, главный удар по которому был нанесен в адресе Американской философской ассоциации (1950), опубликованном под названием «Две догмы эмпиризма».

Двумя догмами эмпиризма Куайн называл краугольные положения логического позитивизма, во-первых, идею существования фундаментального различия между аналитическими и синтетическими истинами, во-вторых, редуционистский принцип, согласно которому каждое осмысленное высказывание эквивалентно некоторому логическому построению из терминов, отсылающих к непосредственному опыту. Данная критика породила широкую дискуссию по проблеме аналитичности, продолжающуюся до сих пор. Объективным стимулом этой дискуссии является тот факт, что куайновский скептицизм относительно возможности выделения аналитических высказываний чреват угрозой семантического нигилизма.

Суть в том, что Куайн выбрал весьма рискованную стратегию критики логического позитивизма, заключающуюся в попытке доказать, что аналитико-синтетическая дистрикция не является интеллигибельной в целом. «То, что такая дистрикция может быть проведена вообще, — полагал он, — является неэмпирической догмой эмпиристов, метафизическим символом веры»⁴.

В своих «Двух догмах» Куайн охарактеризовал и отверг три подхода к осмыслению аналитичности. Первый подход связан с редуциацией аналитических утверждений к логическим истинам посредством синонимической подстановки. Если, например, «неженатый мужчина» есть синоним слова «холостяк», то фраза «все холостяки являются неженатыми мужчинами» редуцируется к фразе «все холостяки есть холостяки».

Казалось бы, доказательство вполне исчерпывающее. Но все не так просто. Сама природа синонимии для Куайна доступна по-

ниманию лишь через обращение к понятию самой аналитичности, таким образом, логический круг в определении замкнулся.

Второй подход заключается в том, чтобы отождествить аналитические утверждения с «семантическими правилами», или «постулатами значения». Однако подобное предложение не решает проблему по существу, поскольку теперь вместо неясного слова «аналитический» мы обращаемся к смутной фразе «семантическое правило».

Третий подход опирается на верификационистскую теорию значения, согласно которой должны существовать объективные факты по поводу экстензий терминов интуитивной семантики, например, «.....» синонимично с «_____» и «.....» является аналитическим» во всех языках. Следовательно, такие металингвистические термины должны быть трансцендентными относительно конкретных языков.

Верификационизм, называемый Куайном «радикальным редуционизмом», воплощает модель языка, согласно которой каждое предложение является отчетом (или сокращенной дескрипцией) о возможном наблюдении. Тогда для доказательства аналитичности предложения «все холостяки неженаты» его надо свести к некоторой совокупности эмпирических данных, показывающей, что области значений терминов «холостяк» и «неженатый мужчина» либо совпадают, либо входят одна в другую. Иными словами, надо определить термины «холостяк» и «неженатый» в терминах наблюдения, причем упомянутая совокупность эмпирических данных должна быть достаточно устойчивой, во всяком случае, значение эмпирических терминов не должны меняться в пределах данного языкового каркаса, в противном случае мы не сможем обосновать аналитичность.

Насколько такая модель возможна? Действительно, большие фрагменты нашего языка состоят из утверждений, функция которых ограничивается описанием наблюдений. Другие предложения, хотя и не являются прямыми отчетами, ведут себя так, как если бы они были сокращенными дескрипциями наблюдаемого опыта. Причем, никто не отрицает, что данная модель связана с определенными затруднениями. Связь предложений с опытом весьма сложна. Многие предложения либо

не относятся к одному фрагменту опыта, исключая другие предложения, либо вообще не достигают какого-либо опыта и верифицируются лишь благодаря тому, что верифицируются другие предложения. Как много предложений нам здесь требуется? Может быть, нам потребуются все предложения языка? Эти виды лингвистических феноменов, как кажется, говорят против этой модели, или, по крайней мере, требуют ее уточнения.

Для Куайна данные факты явно говорят против верификационистской теории значения, поэтому «наши высказывания о внешнем мире предстают перед трибуналом чувственного опыта не индивидуально, а лишь как совокупное целое»⁵. Исходя из этого, он и излагает свою холистскую концепцию знания: «Совокупность нашего так называемого знания или мнений, от наиболее случайных вопросов географии и истории до глубочайших законов атомной физики или даже чистой математики и логики, является созданным руками человека изделием, которое сталкивается с опытом только по краям»⁶.

Поэтому, ткань предложений является бледно-серой, «черной, поскольку есть факты, и белой, поскольку имеются соглашения», поэтому не существует веских причин для заключения, что в ней имеются либо совсем черные, либо совсем белые нити»⁷.

Но не следует ли рассматривать синонимию, логическое следствие и аналитичность в качестве теоретических понятий, как раз и призванных улаживать затруднения, порождаемые неясностями с верификацией? Тогда два предложения являются синонимами, если и только если они имеют одни и те же условия верификации; одно предложение логически имплицирует другое предложение, если и только если то, что верифицирует первое, верифицирует и второе; предложение является аналитическим, если и только если никакой опыт не фальсифицирует его. Поскольку же аналитические предложения имеют нулевое экспериментальное содержание, постольку они играют в языке иную роль, отличную от обычных предложений. Само по себе, это замечание не новость для позитивистов, еще А. Айер говорил об аналитических предложениях: «они кодируют употребление, а не опыт»⁸.

И все же осмысленность дистинкции аналитического и синтетического сама по себе

еще не означает отсутствия фактов по поводу значения. Если, например, бихевиорист утверждает, что есть два ответа, которые обусловлены одними и теми же стимулами, то эти ответы должны быть синонимами для говорящего, а последующие предложения должны быть аналитическими в том же языке.

Однако, если рассматривать позицию Куайна как успешную критику синонимии и аналитичности в целом, то следует признать ложность бихевиористской семантики, как, впрочем, и любой иной семантики за исключением нигилистической, которая утверждает, что вообще нет никаких семантических свойств.

Куайновская критика аналитико-синтетической дистинкции доказала лишь то, что последняя не может использоваться с позитивистскими целями. Однако многие увидели в этой критике падение как самой этой дистинкции, так и понятия значения, что создает препятствия для поиска систематических характеристик языка, выходящих за пределы холистских и бихевиористских ограничений. Следовательно, Куайн сталкивается уже не с некоторой формой релятивизма, но с семантическим нигилизмом: если нет никаких фактов по поводу того, что мы имеем в виду, тогда вообще нет ни лингвистического значения, ни лингвистического понимания, а, следовательно, нет никакой осмысленной коммуникации, дискурса или аргументации вообще. Можно сказать, что Куайн не имеет оснований для отвержения этого вывода, если он вообще хочет расстаться с интенциональными понятиями типа значения⁹.

Фактически же, Куайн не доказал, что вообще нет никаких семантических фактов или, что нет аналитических истин. Скорее, он показал, что если и существует некий смысл понятий интуитивной семантики, то он не может быть реконструирован через указание условий подтверждения. Поскольку то, что говорящий рассматривает в качестве подтверждения, зависит не только от значений слов, но также и от того, каким является нелингвистический мир. И не существует принципиальной возможности отделить друг от друга вклады этих обоих факторов. Доказательству этого тезиса посвящен знаменитый мысленный эксперимент радикального перевода.

Первое обсуждение проблемы перевода, с которым выступил Куайн, было дано в сбор-

нике под названием «On Translation». Это отчасти соответствует тезису о том, что Куайн создал философию «полевого лингвиста», действуя в чем-то аналогично тем философам, которые развивали философию логики, физики или религии. Можно, конечно, выразить удивление по поводу того, что такой специальный феномен, как перевод с экзотических языков, приобрел резонанс, сравнимый разве что с обсуждением кантовской дедукции категорий. Однако следует отметить, что воззрения Куайна на проблему значения имели свой исток в традиционных дискуссиях о природе математической истины, а результат — в новой трактовки философского измерения проблемы языка.

В неопозитивизме, употребление выражения «проблемы языка» не было однозначным. Первоначально его введение было обусловлено необходимостью иметь альтернативу термину «проблемы факта». Тем самым определялась специфика философии, ее отличие от науки: философия занимается проблемами языка, наука — проблемами факта.¹⁰

Проблема границы между философией и наукой и обсуждалась в терминах разграничения аналитических и синтетических суждений, а не вопросов языка и факта.

Разрушив логико-позитивистскую дилемму аналитического-синтетического, Куайн ликвидировал и присущую этому течению «проблему языка». Даже если куайновская критика не имеет отношения к лингвистике и семантике, то последние все же могут рассматриваться в качестве частных научных дисциплин безнадежно претендующих на трансцендентальный статус.

Ключевой момент понимания куайновского скептицизма по поводу аналитико-синтетической дилеммы заключается в условии, которое можно назвать «требованием трансцендентности». «В соответствии с требованием трансцендентности, — отмечает Эрнст Лепор, — любой адекватный критерий для металингвистического понятия должен специфицировать общие свойства, которые характерны для всех языков»¹¹. Таким образом, чтобы выполнить требование трансцендентности, любые указания на отдельные предложения или конкретные языки в обосновании аналитичности должны быть исключены.

Трансцендентными будут понятия, применяемые к любому языку, тогда как имманентные понятия более специализированы, поскольку они применяются только к конечному числу отдельных языков. Куайн требует именно трансцендентной характеристики «x является аналитическим в L», где «x» и «L» являются переменными, пробегающими по всем возможным значимым предложениям и языкам. Причем, трансцендентная характеристика аналитичности требуется лишь в том случае, если она применяется с позитивистскими целями. Позитивист утверждает, что априорное знание математики и логики возможно, если только предложения этих дисциплин являются аналитическими. Если же аналитические истины не ограничиваются лишь, например, английским языком, тогда каждый, кто знает математику или логику, каким бы ни был его родной язык, имеет априорное знание необходимых истин, потому что утверждения в его языке, выражающие эти истины, являются аналитическими предложениями.

Поэтому, чтобы объяснить факт существования априорного знания безотносительно к конкретному языку посредством апелляции к металингвистическим понятиям типа аналитичности, то последние должны применяться к каждому возможному языку, в котором выражаются математические и логические истины. Куайн фактически приходит к выводу, что Карнап в лучшем случае предложил лишь объяснение имманентного понятия аналитичности для некоторых формальных языков. Идея того, что аналитические предложения есть те, которые истинны благодаря лишь семантическим правилам, по своей природе делает эту аналитичность имманентной, а не трансцендентной.

Какого рода факты должны определять то, что аналитичность все же может быть трансцендентной? Этот вопрос уместно задать критикам Куайна, то есть Грайсу и Стросону¹², которые исходили из общей идеи того, что, если существует определенное согласие по поводу использования термина «аналитический» по отношению к одним предложениям, а не к другим, тогда исходная дилемма аналитического и синтетического должна существовать. Однако суть в том, что позитиви-

сты, и особенно Карнап, полагали, что понятие аналитичности является трансцендентным, тогда как Грайс и Стросон в лучшем случае подразумевали лишь имманентное понятие.

Почему позитивисты не опасались того, что предлагаемая ими экспликация фразы «аналитически истинно», ограничивается лишь отдельными языками? Карнап полагал, что, например, если предложение типа «Карл знает, что $2+2=4$ » рассматривать как перевод предложения из языка Карла с помощью « $2+2=4$ », то перевод будет трансцендентным¹³.

Поэтому один из главных выводов из «Мира и объекта» Куайна связан с идеей того, что «перевод» не является трансцендентным. Иначе, допустив, что существует согласие по поводу экстенсии термина «аналитический» в одном языке, можно просто предложение другого языка перевести на этот язык, чтобы узнать тем самым аналитическое оно или синтетическое. Таким образом, можно было бы установить трансцендентность «аналитичности».

Различие между синтетическим и аналитическим, пока оно казалось устойчивым, практически гарантировало разделение сферы деятельности между философией и естествознанием. Критика и последующий отказ от обеих догм приводит к «стиранию предполагаемой границы между спекулятивной метафизикой и естественными науками»¹⁴, а также к смещению в сторону прагматизма.

Если же все является в той или иной мере синтезом, и поэтому делом естествознания, тогда трудно увидеть, в чем же заключается специфика философского анализа понятий. Конечно, постоянно требуется объяснение понятий. Но это занятие не имеет далеко идущих философских следствий: объяснение состоит лишь в предоставлении информации для лучшего понимания.

Если подобная программа возникает из аналитической философии, она действительно становится лишь деятельностью, деятельностью независимых попыток объяснения понятий, однако деятельностью, не опирающейся на особую теорию¹⁵.

Для Куайна традиционные философские проблемы не сводятся к проблемам языка, а изучаются в том же эмпирическом духе, который присущ естественным наукам. «Для

первой философии, — гласит его тезис, — места нет»¹⁶.

Куайновская точка зрения, вообще не оставляет места для особого философского знания, существенно отличного от физического, математического или повседневного. Просто философия, использует более общие категории, чем какая-либо из конкретных наук. Но подобно всем областям науки, она стремится к знанию того, что истинно, — что такое реальность, что она содержит и как действуют составляющие ее элементы¹⁷.

Этот проект философского знания должен противостоять попыткам создания различных версий «трансцендентальной семиотики», образуя водораздел между натуралистическим типом мышления и различными версиями концептуализма, трансцендентализма и лингвистического идеализма.

¹ Виноградов Е.Г. Виллард Куайн: портрет аналитического философа XX века // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 107.

² Bergstrom L., Follesdal D. Interview with Willard Van Orman Quine in November 1993 by Lars and Dagfinn // Theoriae. — Lund; Copenhagen, 1994. Pt. 3. P. 193—206.

³ Золкин А.Л. Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века. М., 2005.

⁴ Quine W.V.O. Two Dogmas of Empiricism // From a Logical Point of View. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1953. P. 20.

⁵ Quine W.V.O. Op. cite. P. 41.

⁶ Ibidem. P. 41.

⁷ Quine W. Carnap and Logical Truth // The Philosophy of Rudolf Carnap. La Sall., Ill. Open Court, 1993.

⁸ Ayer A.J. Language, Truth and Logic. London, 1946. P.79.

⁹ Glock H.-J. The Indispensability of Translation in Quine and Davidson // The Philosophical Quarterly. Vol.43. № 171. P. 203.

¹⁰ Боброва Л.А. Поиск путей к истине: опыт аналитической философии. М., 1995. С. 21.

¹¹ Lepore E. Quine, Analyticity, and Transcendence // Nous. 1995. № 4. P. 471.

¹² Grice H.P., Strawson P.F. In Defense of a Dogma // Readings in The Philosophy of Language. Englewood Cliffs, NJ. Prentice-Hall, P. 81—94.

¹³ Lepore E. Quine, Analyticity, and Transcendence // Nous. 1995. № 4. P. 479.

¹⁴ Quine W.V.O. Two Dogmas of Empiricism // From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1953. P. 20.

¹⁵ Danto A. Analytische Philosophie // Wo steht die Analytische Philosophie heute? Wien, Munchen. 1986. Z. 76.

¹⁶ Куайн У. Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1994. С. 23.

¹⁷ Бельский В.Ю., Золкин А.Л. Философия. М., 2018.

The Essence of Extremism as a Socio-Political Phenomenon

Сущность экстремизма как социально-политического явления

Arkady Nikolaevich BOROZDIN,
Ph.D., docent, professor of the Department of sociology
and political science of Moscow University of the MIA
of Russia of V. Ya.Kikot
E-mail: rinabora@mail.ru

Аркадий Николаевич БОРОЗДИН,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: rinabora@mail.ru

Для цитирования: А.Н. БОРОЗДИН. Сущность экстремизма как социально-политического явления. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 10—15.

Annotation. Discusses the nature and variety of extremism as extreme radicalism, it features in the contemporary world and in Russia.

Key words: extremism, radicalism, the purpose, the means and methods of political activity, the socio-political ideal, violence and terror

Аннотация. Рассматриваются сущность и разновидности экстремизма как крайнего проявления радикализма, его особенности в современном мире и в России.

Ключевые экстремизм, радикализм, цель, средства и методы политической деятельности, социально-политический идеал, насилие, террор

Вся история человечества представляет собой режим чередования этапов относительно спокойного, мирного, эволюционного развития общества с периодами социальных потрясений, коренных (то есть — радикальных) преобразований, а так же революционной (или контрреволюционной), экстремистской деятельности определенных социально-политических сил. Государственные перевороты, путчи, народные восстания, революции и контрреволюции, религиозные, гражданские и межгосударственные войны и так далее, и тому подобное, будучи проявлением политического радикализма и экстремизма, всегда сопровождались и поныне сопровождаются крайним насилием и террором при соответствующем идеологическом их обеспечении.

Последние сто лет мировой истории не просто характеризуются наличием политического экстремизма и террора, но буквально перенасыщены ими, прежде всего, классическими образцами их проявления: революциями и контрреволюциями, войнами, в том числе и двумя мировыми в XX веке, а в конце XX —

начале XXI веков — довольно мощным всплеском исламского радикализма и экстремизма и соответствующих террористических движений и группировок.

В то же время, историческая практика наглядно показывает, что к экстремизму, насилию и террору, в зависимости от конкретных условий и ситуативных задач, могут прибегать не только радикальные политические партии и движения, но и так называемые — центристские. Когда встает вопрос о реальном выживании, спасении страны, политической системы, или той, или иной политической силы, то соответствующие субъекты редко отказываются от использования крайних средств. Сама критическая ситуация зачастую подталкивает к радикальным, а зачастую и — к экстремистским мерам.

Радикализм и экстремизм, таким образом, являются неотъемлемыми имманентными компонентами развития социума. Понятия «радикализм», «радикал», «радикальный» и т.п. достаточно широко распространены в политическом обиходе, научной литературе

и публицистике. Но, подобно либерализму и консерватизму, радикализм как общественно-политическое явление далеко не однозначен и многовариантен в употреблении¹. Собственно термин «радикализм» является производным от лат. *radix* — корень. В политический обиход он был введен в конце XVIII века в Англии и затем быстро распространился в Европе. В России еще В.И. Даль полтора столетия назад толковал понятия «радикальный» как — «коренной, основной», а «радикал» — «политик, требующий коренных преобразований в управлении, на основании науки, отвергающий опыт»². Тезис об отвержении опыта подспудно несет в себе негативную смысловую нагрузку. Действительно, в обыденном сознании, да и не только обыденном, радикализм и, в особенности, экстремизм, зачастую ассоциируются с потрясением устоев, волюнтаризмом, необоснованным и жестоким насилием, политическим авантюризмом. Примечательно, что термин «экстремизм» в словаре В.И. Даля отсутствовал. В современной же отечественной исследовательской и справочной литературе наиболее распространенным является подход, трактующий политический радикализм как теорию и политическую практику, «состоящие в отстаивании и применении решительных мер, которые направлены на осуществление коренных социальных преобразований»³.

Таким образом, радикализму присущи два основных составных компонента. Во-первых, это нацеленность на коренное, кардинальное преобразование социума, т.е. его идеал принципиально (или, по крайней мере, весьма и весьма существенно) отличен от существующего общества. Если консерватор или либерал-реформатор в своей политической практике ориентированы на защиту или совершенствование существующей политической системы, то радикал, стремящийся к «осуществлению коренных общественных изменений, ...ориентирован на действия за пределами системы»⁴. То есть, общественно-политический идеал радикала несовместим с тем обществом, в котором он живет. Во-вторых, радикализму свойственна приверженность к решительным (коренным) мерам, методам, способам преобразований, а именно, радикал использует не только ненасильственные, постепенные,

эволюционные средства преобразования (когда и их достаточно для достижения поставленных целей), но, если понадобится — то и насильственные, в том числе вооруженные и революционные средства. Сочетание специфических идеала и средств, представляет собой, можно сказать, классический вариант феномена радикализма.

Продуктом развития крайних форм политического радикализма, его крайними пределами, является политический экстремизм. Он означает приверженность к крайним взглядам и методам в политике (от фр. *extremism*, или лат. *extremus* — крайний). К экстремистским обычно относят организации и движения, которые абсолютизируют насильственные, вооруженные — вплоть до массового террора — методы и средства политической борьбы. Следовательно, специфика экстремизма напрямую сопрягается не только и не столько со специфическими целями, идеалами той или иной политической силы, а, прежде всего, с исповедуемыми и применяемыми для их достижения средствами и методами. Таким образом, радикальные настроения, взгляды, идеологии, организации всегда были и есть, различаются только степень их проявления и распространения, влияния в политической жизни общества. Экстремизм же более ситуативен, чаще всего он проявляется тогда, когда иные методы и средства достижения политических целей недостаточно эффективны, или вообще не срабатывают. Поэтому, экстремизм никогда принципиально не отказывался от террора как тактического, а иногда и стратегического средства политической борьбы⁵. Не случайно в определениях терроризма, как у зарубежных исследователей, так и отечественных общим местом является его толкование как особой формы или метода политического насилия для достижения поставленной цели посредством нагнетания страха, запугивания (от лат. *terrore* — страх, ужас). И если страх является одним из компонентов (наряду, естественно, с другими), обеспечивающих устойчивость функционирования социума (страх общественного порицания, уголовного наказания за правонарушения, страх потерять работу и т.п.), то феномен ужаса демонстрирует крайнюю степень нагнетания чувства страха и включает в себе, прежде всего,

деструктивное, дезорганизирующее начало — надо запугать людей до такой степени, чтобы они лишились здравого смысла, собственной воли, поддались настроениям отчаяния и паники.

В зависимости от идеала радикализм и экстремизм традиционно подразделяется на правый и левый. Правый радикал, ориентируясь на основательное, кардинальное преобразование существующего общества, убежден, что страну необходимо вернуть — если понадобится, то и путем применения силы — на «истинный путь», возродить традиционные идеалы и ценности. У него сильная приверженность прошлому, по-разному понимаемому, соседствует со стремлением изменить status-quo и с подлинным новаторством в общественной деятельности.

Правый радикализм имеет весьма долгую историю, но особенно ярко и жестко правый радикализм и экстремизм проявили себя в последнее столетие. Классические образцы первой половины XX столетия — итальянский фашизм и германский нацизм в дальнейшем были дополнены различными национальными вариантами во многих странах: франкистский режим в Испании, салазаровский в Португалии, пиночетовский в Чили и т.д. Здесь же необходимо упомянуть и такие движения и организации как Итальянское социальное движение, Республиканская и Национально-демократическая партии в ФРГ, Национальный фронт в Англии, Ку-Клукс-Клан и нацистская партия в США и другие правозэкстремистские политические группировки.

В России, довольно умеренные праворадикальные организации начала XX века в лице правомонархических («черносотенных») партий и Всероссийского национального союза (партия националистов) просуществовали недолго и экстремистски-террористическую деятельность в целом не практиковали, в отличие, например, от той же боевой организации леворадикальной партии эсеров. Фактически «черносотенцы совершили два убийства и одно покушение на убийство...»⁶. В советскую эпоху праворадикальные и экстремистские организации на территории СССР были ликвидированы, в том числе антисоветские экстремистские националистические, а зачастую и просто нацистские, организации в Прибалтике, Белоруссии, на Украине и т.д. В пост-

советский период правый радикализм проявил себя в виде таких объединений и партий, как различные группировки «Памяти», Национально-республиканская партия России, РНЕ и т.п. В то же время на территории России начали действовать и такие правозэкстремистские религиозные организации как «Партия исламского освобождения», «Хизб-ут-Тахрир», «Джамаат», «Черные ястребы», ИГ и т.д.

Одним из наиболее часто употребляемых для обозначения правозэкстремистских политических движений и идеологий терминов является «фашизм». В то же время многие исследователи подчеркивают, что не существует единой точки зрения, единого мнения о том, что такое фашизм. Следствием этого является и то, что данный эпитет часто используется различными противоборствующими группировками в качестве пугала, позорного ярлыка, навешиваемого друг на друга в запале политической борьбы. Разными авторами называются десятки его родовых черт. Взятые в отдельности, они могут быть найдены у многих общественных движений, но только совокупность, или точнее система указанных признаков, может служить основанием для заключения профашистской направленности того или иного политического объединения, той или иной политической партии. Таким образом, видно, что сама сущность правого радикализма и экстремизма предполагает широкое разнообразие их теоретических концепций и идеологических установок и пристрастий, а также используемых средств, методов и способов политической деятельности, которые определяются конкретно-историческими условиями и национально-культурной спецификой, традициями и менталитетом народа каждой отдельно взятой страны или региона.

Антиподом правого радикала и правого экстремиста является левый радикал и левый экстремист. Объединяемые с правыми критическим отношением к существующему обществу и стремлением подвергнуть его основательным преобразованиям, левые радикалы и экстремисты, в отличие от них, порывают не только с настоящим, но и с прошлым. Левые — последовательные антитрадиционалисты. Их идеал, не будучи связанным с историческим прошлым, национально-государственной традицией, конструируется произвольно-умозри-

тельно, волюнтаристски-рационалистически и полностью устремлен в будущее. Их общественный идеал — нечто совершенно новое, абсолютно неизведанное, не имеющее аналогов в истории.

В то же время, необходимо отметить, что в научной литературе иногда встречается мнение, что крайности сходятся, и сближающее правых и левых радикалов (и экстремистов, в том числе) на основе общего неприятия ими господствующей власти и общественно-политического порядка. В не столь давние времена подобные мысли декларировались в некоторых изданиях, редактируемых А. Дугиным. Протест против утверждающегося «нового мирового порядка», мондиализма, глобализации либерально-демократической модели, сопровождался утверждениями о том, что: «Вырисовывается новая карта сражений и битв, терактов и полемик, атак и стратегических маневров. Мы вступаем в совершенно уникальную пору Новой Агрессии, где все бывшие противоположности, противоборствующие стороны, противники и враги резко перестраивают свои ряды. Вчерашние коммунисты братаются с капиталистами под вывеской мондиализма, вчерашние фашистыжимают руки анархистам в подрывных штабах борьбы с мондиализмом. ...Анархисты, фашисты, коммунисты, левые националисты, нонконформисты оказываются в одном лагере, несмотря на все внутренние противоречия»⁷. В чем-то это напоминает рассуждения девяностолетней давности известного российского философа С.Л. Франка, правда с совершенно иной, либерально-консервативной оценочной позиции: «Практически крайне важно, что различие ... между «правым» и «левым» *менее существенно*, чем различие между *умеренностью и радикализмом* (всё равно — «правым» или «левым»)». Правые «несмотря на свою острую ненависть к «левым» в других отношениях, ...иногда солидаризируются с теми «крайними левыми», которые сами находятся в оппозиции и не удовлетворены господствующей в государстве левой властью...»⁸.

Для подобных утверждений, вне всякого сомнения, есть определенные основания, но только в плане обоснования возможности временного, тактического союза перед лицом общего противника (что проявилось, напри-

мер в составе участников Фронта национального спасения в начале 90-х годов XX века в России, в который входили как коммунисты, так и националисты, и монархисты и т.д.). Но если брать во внимание стратегические задачи, конечные цели и фундаментальные ценности этих движений, то существенные различия между ними, если не сказать — противоположности, — совершенно очевидны. Архаизм, традиционализм и национализм правых радикалов и экстремистов вряд ли смогут органично сочетаться и длительно мирно уживаться с прогрессизмом, антитрадиционализмом и определенным интернационализмом левых радикалов и экстремистов.

Значимость анализа сущности левого радикализма и экстремизма обусловлена ещё и тем, что некоторые отечественные мыслители первой половины XX столетия (например, тот же С.Л. Франк) были склонны рассматривать левый радикализм и экстремизм как проявления нигилизма — в качестве неотъемлемой специфической черты именно русской духовной культуры, русского национального характера в противоположность либерально-демократической Западной цивилизации⁹. Да и в наши дни некоторые исследователи утверждают, что леворадикальное сознание — неизменный спутник российской истории и радикализм, и экстремизм в России по традиции придерживался левой направленности. Но более актуальна и значима констатация того факта, что леворадикализм, левый экстремизм и терроризм, и ждущий своего часа необошшевизм в России существуют. Исторические шансы левого радикализма в России довольно высоки. Даже некоторые бывшие критики советского строя — диссиденты, негативно оценивая постсоветские изменения в России, полагают неизбежным возникновение протестных настроений, в том числе и в их крайнем выражении: «Подрастает молодежь, которая образует уже постсоветское поколение. Большинство молодых людей оказалось в ужасающем положении. Разрушение семей. Беспризорность. Пьянство. Наркомания. Преступность. Проституция. Деграция образования. Не может быть, чтобы не возникли различные формы протеста, включая организованный и массовый. Всё чаще в СМИ мелькает слово «экстремизм». Но как бы ни называли этот

протест, он неизбежен. Важно определить свою позицию по отношению к нему. От этого зависит ход истории»¹⁰.

Так же как и правый, левый радикализм в зависимости от приверженности к определенным средствам, методам и формам политической борьбы подразделяется на относительно умеренный и экстремистский. Но здесь необходимо подчеркнуть, что единого, общепринятого подхода к тому, какие идейно-политические течения относить к умеренно радикальным, а какие к экстремистским, в современной литературе нет. Некоторые зарубежные исследователи в качестве синонима левому экстремизму использовали термин — «лефтизм» (Leftism), полагая, что «систематический лефтизм выступает в форме *альтернативы* ...марксизму-ленинизму», причем, альтернативы слева, а не справа (как то — социал-демократия, лейборизм, кооперативные и синдикалистские движения, социальный либерализм и т.п.). «Критицизм слева, так сказать критика, представляющая собой революционную альтернативу» марксизму-ленинизму, является сутью лефтизма (или, по сути дела — левого экстремизма), включающего в себя как традиционные революционные течения типа анархизма, анархо-синдикализма, революционного синдикализма, так и возникшие в XX столетии новые ультрареволюционные левые движения¹¹.

В постсоветский период развития России левый экстремизм наиболее ярко проявил себя на его начальном этапе, когда на самом крайнем левом фланге левого радикализма неоленинской ориентации и по сути дела на экстремистских позициях находилась часть членов РКСМ (б), авторские коллективы газет «Молодой коммунист», «Большевик» и «Бумбараш — 2017». Молодые коммунисты часто находились в оппозиции даже ко «взрослым» компартиям, считая их недостаточно революционными и призывая к более решительным действиям. В конечном же счете, можно на сегодняшний день констатировать, что все эти постсоветские коммунистические политические образования даже по сравнению с теряющей популярность и политический вес КПРФ, не заняли место влиятельной политической силы в партийном спектре России. В то же время, исторические

перспективы, потенциал левого радикализма в России вряд ли исчерпаны и в случае обострения социально-экономической ситуации он может быть вновь востребован достаточно широкими массами населения и политически актуализирован. Не случайно, согласно различным опросам общественного мнения, весьма значительная часть респондентов положительно оценивает советский период развития страны. Своеобразная переоценка ценностей произошла и у некоторых бывших диссидентов. Так, например, А.А. Зиновьев, вернувшись из эмиграции, довольно подробно описал нюансы этого переосмысления: «Я готов простить советской власти все репрессии за одно только уничтожение царской монархии и классов помещиков и капиталистов. ...Сейчас, оглядываясь назад, в прошлое, я начинаю понимать, что все ограничительные меры тех лет были правильными». Оправдывая экстремистские методы того времени, А.А. Зиновьев настаивал на том, что «никакая власть не смогла бы установить элементарный общественный порядок без массовых репрессий». А «благодаря революции страна совершила беспрецедентный рывок вперед во всех отношениях — в социальном, хозяйственном, культурном, образовательном и т.д. Успех был настолько ошеломляющим для всей планеты, что Россия стала соблазнительным примером для многих народов. Это напугало Запад, и он с первых дней существования русского коммунизма вел упорную борьбу против него»¹².

Несомненная злободневность исследования проблем политического экстремизма и терроризма в жизни современного общества предполагает изучение не только его нынешних причин проявления, но и постановку более фундаментальных проблем о сущности и социальной обусловленности этих феноменов. Данная проблема в большей или меньшей степени была актуальна всегда, и степень эта была обусловлена уровнем интенсивности и масштабности проявления и распространения соответствующих процессов. Все ведущие политические силы, определявшие и определяющие политические процессы в мире, не отказывались от использования (в случае необходимости) крайних (т.е. экстремистских) мер в политике. Все они: от консерваторов

и либерал-демократов, до фашистов и неонацистов — справа, и социалистов, коммунистов и даже многих анархистов — слева, если и не всегда декларировали свою приверженность насилию и террору, то и не отрекались от них, в случае необходимости, на практике. Ветхозаветный принцип: «око за око, зуб за зуб» был одним из ведущих во всей политической истории человечества.

Конец XX — начало XXI веков характеризуются усилением экстремистских, террористических устремлений в среде организаций и движений праворадикальной ориентации. Основными, базовыми компонентами правоэкстремистской идеологии в это время становятся два фактора — религиозный и националистический. В последние же годы эти факторы всё более явно приобретают цивилизационный, или точнее, межцивилизационный характер. В деятельности по противодействию экстремизму и терроризму важно учитывать не только то, кто иницирует, создает, финансирует и направляет террористические организации, но и идеологическое обеспечение их деятельности. Без учета этого фактора идеологическое противостояние экстремизму абсолютно бесперспективно.

Например, исламский религиозно-политический экстремизм все больше и больше претендует на статус цивилизационного противостояния исламского мира, общеисламской цивилизации, с одной стороны — западной буржуазной цивилизации, освящаемой идеологией либерализма, а с другой стороны — российской и китайской цивилизациям. Эта позиция была обозначена ещё много лет назад в «Завещании» идейного лидера иранской революции — аятоллы Хомейни (тогда, правда, это противостояние было сформулировано в несколько иных понятиях — «буржуазному Западу» и «коммунистическому Востоку»). В последние десятилетия эту установку восприняли и многие суннитские экстремистские организации, прежде всего Хизб-ут-Тахрир, Исламское государство (бывшее ИГИЛ), Джабхат ан-Нусра, а так же многочисленные другие подобные экстремистские образования, вынашивающие идеи панисламизма, «Нового Халифата» и прочих ново-старых идеологических конструкций.

Межцивилизационный характер приобретает и конфликт на Украине. Действительно, например, современный экстремизм на Украине (с практикуемым им террором) имеет не столько даже этническую, сколько цивилизационную подоплеку, пытаюсь доказать, что украинцы принадлежат к европейской цивилизации и не имеют ничего общего с русской, якобы азиатской цивилизацией. А межцивилизационный раскол общества гораздо серьезнее и глубже, чем тот же межэтнический.

Таким образом, вряд ли будет обоснованным рассматривать идеологический и практически политический феномены радикализма и экстремизма просто как нечто случайное и нежелательно-негативное в функционировании и развитии социума. Они так же не случайны для социально-политической жизни общества, как и эволюционно-реформаторские формы развития политического процесса. Актуализация тех или иных форм зависит от конкретно-исторических условий и задач, стоящих перед страной и соответствующими социально-политическими силами и их расстановкой.

¹ См.: *Бороздин А.Н.* Радикализм как социально-политический феномен // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015, № 6.

² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: Р – V. М. 1995. С. 7.

³ Политологический словарь. В двух частях // Под ред. Мигولاتьева А.А. Часть II. М., 1994. С. 45.

⁴ Баталов Э.Я. Современное политическое сознание в США. М., 1980. С. 254.

⁵ См.: *Бороздин А.Н.* Проблема политического насилия и террора в истории русской политической мысли // Вестник Московского университета МВД России. 2014, № 9.

⁶ *Степанов С.А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 267.

⁷ См.: ЭЛЕМЕНТЫ. Евразийское обозрение. № 7. 1996. С. 2.

⁸ Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Франк С. Непрочитанное... / Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 233, 240.

⁹ См.: *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 207—224.; Франк С.Л. Этика нигилизма // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.

¹⁰ *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. М., 2017. С. 106.

¹¹ См.: *Gombin Richard.* The Origins of Modern Leftism. Suffolk, 1975. P. 9, 17.

¹² *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. С. 46—74.

Defense of the Crimean isthmus by the 3rd army corps of the Armed forces of Southern Russia in January 1920

Оборона 3-м армейским корпусом Вооруженных сил Юга России Крымских перешейков в январе 1920 года

Vladislav Evgenievich GORBACH,
teacher of the Department of Humanities and socio-economic
disciplines CHU Law AT the police College, Tula, Russia
E-mail: argonavt-63@mail.ru

Владислав Евгеньевич ГОРБАЧ,
преподаватель кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин ЧУ ПО Юридический
полицейский колледж г. Тула, Россия
E-mail: argonavt-63@mail.ru

Научная специальность: 07.00.02 — Отечественная история

Для цитирования: В.Е. ГОРБАЧ. «Оборона 3-м армейским корпусом Вооруженных сил Юга России Крымских перешейков в январе 1920 года». Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 16—21.

Annotation. The article discusses the main events related to the defense of the Crimean isthmus parts of the 3rd corps of the Armed forces of South Russia in January 1920 year. The reasons for the red army's failures during the offensive on the isthmus, the factors that influenced the course of hostilities are analyzed. Based on generalization of archival data is analyzed during the battle for the Crimea in January 1920, the tactics of the losing parties, the results of hostilities.

Key words: Red army, the defense of the Crimea, Perekop, General Slashchev, Yushunskaya position

Аннотация. В статье рассматриваются основные события, связанные с обороной Крымских перешейков частями 3-го корпуса Вооруженных сил юга России в январе 1920 года. Анализируются причины неудач Красной армии в ходе наступления на перешейки, факторы, повлиявшие на ход боевых действий. На основе обобщения архивных данных анализируется ход боев за Крым в январе 1920 года, тактика и потери сторон, результаты боевых действий.

Ключевые Красная армия, оборона Крыма, Перекоп, генерал Слащев, Юшуньские позиции

Оборона Крыма зимой 1920 года 3-м армейским корпусом ВСЮР не принадлежит к числу широко освещенных сражений времен гражданской войны.

По своим масштабам и числу участвовавших в ней войск (15—20 тысяч штыков и сабель с обеих сторон) эту операцию нельзя, конечно, отнести к разряду переломных, решающих.

Но все же стратегическое значение удержания Крыма оказалось очень велико. Не пропустив Красную Армию за перешейки, белые получили, впоследствии, возможность эвакуировать сюда остатки своих разбитых армий из Новороссийска, затянув гражданскую войну на юге России до ноября 1920 года.

Большую роль сыграла и недооценка Крымского направления Главным командова-

нием Красной Армии, потребовавшая личного вмешательства В.И. Ленина в марте 1920 года.

Несомненный интерес представляет и тактическая сторона операции.

Перед командованием 3-го корпуса стояла очень сложная задача — малыми силами прикрыть широкий участок, уязвимый с нескольких направлений, почти не оборудованный укреплениями, при отсутствии достаточного количества жилья для войск.

Генерал Я.А. Слащев избрал нестандартный вариант защиты Крымских перешейков. Он заключался в том, чтобы, занимая перешейки только сторожевым охранением, сосредоточить основные силы в районе Воинка-Джанкой для нанесения контрударов по противнику в случае прорыва им передовых позиций.

Согласно приказу командира 3-го армейского корпуса Крымский фронт делился на три участка: 1) Арбатская стрелка (полковник Гравицкий) — 1-й кавказский стрелковый полк, 100 штыков; 2) Крым от Сиваша до Мурза-Каяш исключительно (генерал Г.Б. Андгуладзе) — бригада 13-й пех. дивизии; 3) Крым от хут. Мурза-Каяш включительно (генерал Васильченко) — бригада 34-й дивизии (расположение д. Юшунь). — до Перекопского залива.

Части корпуса начали занимать отведенные им участки с 8 января. Первой прибыла по железной дороге 13-я пехотная дивизия. От командира же бригады 34-й дивизии, которая должна с обозом грузиться в Николаеве и прибыть в Крым морским путем, пришла, 12 января телеграмма, где сообщалось, что транс портов не оказалось и бригада походным порядком идет из Николаева на Херсон-Перекоп. Переправа паромом у Херсона задерживалась льдом. А части Красной Армии уже заняли Новоалексеевку и двигались от Мелитополя к Перекопу. Для того, чтобы задержать их продвижение генерал Я.А. Слащев выдвинул к Ново-Алексеевке отряд в составе Пинско-Волынского батальона (120 штыков), Сводно-Чеченского полка (200 сабель) и конвоя штаба корпуса (100 сабель) при поддержке 3 танков и 3 бронепоездов. Отряд в 9 часов 13 января перешел в наступление и к 12 часам взял станцию Новоалексеевка, где еще некоторое время отбивал атаки красных. После получения генералом Слащевым донесения о том, что бригада 34-й дивизии подходит к Перекопу, отряду было приказано под прикрытием бронепоездов отойти, что и было выполнено. На следующий день вышла на место сосредоточения и бригада 34-й дивизии, прикрываясь арьергардам из казаков полковника Морозова¹.

Последующие десять дней (с 13 по 23 января) части 46 стрелковой и 8 кавалерийской дивизий Красной Армии медленно подтягивались к Перекопу и Чонгарскому полуострову. Недостаточно быстрые темпы наступления объяснялись следующими причинами:

1. Необходимостью разоружать или расстреливать отряды махновцев. Вот что пишет в своих воспоминаниях начальник штаба Махно В. Билаш: «... 16 февраля прибыл разведчик от Павловского.¹ Он рассказал, что 4-й Крымский

корпус рассыпался по домам, после того как красные части начали обезоруживать полки, а командиров расстреливать.

Вечером 8 января мы заняли Мелитополь, — вспоминал разведчик. — Слащев во все лопатки драпал на Сальково. Павловский подходил к Перекопу и Николаеву. Вдруг 12 января прибыли красные дивизии и набросились на наш 15-й полк. Мы с Володиным оторопели и с конной разведкой бежали к Павловскому. Кроме 15-го полка погибли еще два: 16-й пехотный Чайки и Крымский конный. В Чаплинке мы встретились с Павловским и не знали, что делать... Тут же мы решили ударить на Перекоп и уйти в Крым. 20-го января мы заняли Перекоп и Армянский базар, где противника почти не было. Продержались там до 23 января. Пришли красные и начали нас обезоруживать, а из Крыма Слащев стал напирать. И мы — кто куда...»

1. Сильной распутицей и бездорожьем.

2. Общей усталостью и болезнями личного состава после многочисленных боев.

22—23 января I стрелковая бригада 46 дивизии в составе 406-го и 407-го стрелковых полков, сбив с позиций стаявший в охранении Славянский полк, заняла Перекоп и Армянский базар, имея в резерве 409 стрелковый полк 2-й бригады. Остальные полки 2-й бригады расположились: 410-й полк — д. Ново-преображенка — д. Новоалександровка, 411-й полк — д. Каланчак — полуостров Хорлы.

То есть непосредственно наступать против Юшуньских позиций должны были два полка, имея один в резерве. Еще два расположились за правым флангом, а 3-я стрелковая бригада в это время совместно с частями 8-й кавдивизии вела бои за овладение Чонгарским полуостровом.

Генерал Слащев для отражения атаки противника сосредоточил на Юшуньских позициях следующие части: дорогу Перекоп — Юшунь прикрывали 134 Феодосийский и 133 Симферопольский полки, имея слева Отдельную кавбригаду и Таврический кавдивизион (х. Карт-Казак), а справа 49 Брестский, 52 Виленский и 136 Таганрогский полки, прикрывающие между озерные перешейки и дорогу Армянский базар — Мурза-Каяш.

Утром 24 января 1920 г. командир I стр. бригады 46 сд Бахтин отдал по бригаде сле-

дующий приказ: «...Вверенной мне бригаде приказано овладеть во что бы то ни стало Юшуньским укрепрайоном не позже утра 25.01. Приказываю: 406-у стр. полку выступить из Армянского базара на Джанкой, разведка на Юшунь и Мурза-Каяш... 407-у стр. полку занять х. Булгаково — х. Карт-Казак, разведка на Юшунь...»²

Во исполнение этого приказа части 406 сп повели наступление на перешейке с трактиром, но их попытка ворваться туда была отражена контратакой Виленского полка, занимавшего окопы с проволочными заграждениями. Части 407 сп заняли х. Булгаково и двинулись на х. Карт-Казак. Дальнейшие события лучше всего рисует рапорт комбрига I Бахтина на имя начдива 46 Эйдмана от 27.01.20 г.

«...В 14 ч. (24.01) комполка 407 доложил мне, что противник обстреливает полк из орудий и ведет контрнаступление при поддержке конницы, прося прислать патронов и снарядов... я выехал на позиции... все орудия 407 полка вели огонь... правый фланг полка уже входил в восточную сторону х. Карт-Казак. В этот момент раздаётся команда «батарея, на передки» и «наши цепи отходят назад», моментально в обозе батареи и обозе полка подлилась паника. С правого фланга полка вдоль берега залива показалась конница, и, не приближаясь к полку быстро направилась вдоль берега на север, кто-то крикнул «неприятельская кавалерия заходит нам в тыл» и моментально началось паническое бегство всего полка... Приказав батарее бить шрапнелью по неприятелю и не имея возможности остановить бегущих, я направился в 406-й полк с целью взять оттуда 1—2 батальона, чтобы ударить во фланг противника, но по дороге встретил начштаба бригады, который доложил, что 406-й полк целиком втянут противником в бой и помощи дать не может... Комполка бежал... имущество полка и артбатарея захвачены кавалерией противника...»¹ Таким образом, участь боя 24 января, по существу, была решена фланговым обходом 407-го полка кавалерией белых. Генерал Слащев в данном случае прекрасно воспользовался грубейшим просчетом командования 46 сд, которое вело атаку укрепленной позиции противника одним полком без прикрытия с флангов кавалерии. 25 января бои продолжались: «... Ввиду временного выхода 407-го полка из строя все части I бригады переходят в опера-

тивное подчинение комбригу 2, которому приказано занять оборонительную позицию у г. Перекопа по валу. 409 сп три раза отбивал атаки противника на Армянский базар.

С рассветом противник сбил части 409 и 406 полков у Армянского базара с обоих флангов и наступает на Перекоп. 410-й полк выступил из Преображенки для занятия оборонительной позиции по валу вправо от Перекопа и 411-й полк для занятия Новоалександровки и обеспечения тыла частей, обороняющих Перекоп. В 13 часов противник выбил части из Перекопа, перешедшие в контрнаступление 406-й и 409-й полки отбиты противником и имея большие потери, отступили, заняв к ночи следующие позиции:

- 406-й полк д. Перво-Константиновка, 409-й полк — х. Спендиярово, 410-й — западнее х. Спендиярово, 411-й — д. Ново-Александровка. Потери наши убитыми; ранеными и пропавшими без вести около 150 человек...»³

Командование Юго-Западного фронта попыталось исправить допущенные ошибки и вновь овладеть Перекопом, что видно из записи разговора по прямому проводу комфронта А.И. Егорова и начальника штаба фронта Н.И. Петина о мероприятиях по обеспечению Крымской операции от 27 января 1920 года:

«... [Петин]: Противник продолжает развивать свой успех в районе Перекопа. 25 января наши части были отеснены в район Спендияровка — Перво-Константиновка. Атака 410 полка, направленная из района Новоалександровка. во фланг противнику, успеха не имела, и полк, потеряв комполка, отошел на исходное положение. С рассветом 26 января противник превосходящими силами повел наступление в район Перво-Константиновки и потеснил 406 полк в направлении на Владимировну... по словам комиссара 46 сд, прибывшего в Мелитополь и Чашники, положение двух бригад 46 дивизии очень серьезное, в частях осталось в общем не более 1000 штыков, боеспособность пала вследствие убыли главным образом, комсостава и политработников... командарм 13, учитывая общее состояние 46 дивизии и силы противника в районе Перекопа, считает, что Крымскую операцию провести одной 46 дивизией трудно и просит для этой операции основную его дивизию — 42-ю...»⁴

[Егоров]: — I. С тех пор, как 46 стрелковая и 8 кавалерийская дивизии вышли из состава 14 армии, они обратились в расстроенные группы и действуют разрозненно. Никакого смысла командарму 13 разъединять части 46 сд не было, тем более ясно было видно — главное сопротивление будет в районе Перекопа. 2. ...указать командарму 13 — решить вопрос путем объединения всех частей 46 дивизии в руках своего начдива и сгруппировать также кавчасти дивизии... 3. Операцию в районе Сальково — Гениченск возложить на 8 кавдивизию, при этом 13 кавбригада тоже должна быть привлечена к восстановлению положения в районе Перекопа... 5. Вероятно Перекопский вопрос является следствием разрозненности действий, что ясно видно из донесений, когда для ликвидации противника направляется не целая бригада, а по полкам...» После выяснения обстановки и приведения в порядок частей, ножам 2 стр. бригады 46 сд при поддержке 1-го конного полка 46 сд был дан приказ вновь перейти в наступление и выбить противника из Перекопа и Армянского базара. Одновременно командарм 13 начал подтягивать к Перекопу полки 8 кавалерийской дивизии Червоного казачества, имея ввиду создать ударную группу для штурма Юшуньских позиций противника и обеспечить ее с флангов кавалерийскими заслонами. Главное направление удара оставалось прежним — вдоль тракта Армянский базар — Юшунь, прикрываясь справа (Перекопский залив) и слева (Сивашский залив — междуозерье) конницей.

Вся тяжесть второго наступления 46 сд пала на вторую бригаду, как наиболее боеспособную. Поэтому с целью наиболее полного освещения событий автор обратился к журналу военных действий по 2-й бригаде 46 сд:

- « ...26.01. Кавполки сосредотачиваются в районе д. Чаплинка — д. Преображенка. Б 13 часов противник повел наступление силою до 6-ти эскадронов на хут. Спендияровка, но перешедшими в контр-наступление 409-м и 410-м полками был отбит и отошел на Перекоп.

27.1. В 20 ч. противник не выясненными силами занял экономию Преображенка. Перекоп занимают части 34 пех. дивизии противника и рота юнкеров.

28.1. Частью бригады в 7 ч. повели наступление с целью занятия Перекопского укреп-

района. Причем 411 полк демонстративными действиями должен был вызвать противника из Преображенки, затем перейти в атаку и совместно с 406 и 409-м полками занять Перекоп. 1-й кавполк 46 сд совместно с 410-м стр. полком получил задачу обойти Преображенку с запада и, обхватив противника с левого фланга, занять Перекоп и Армянский базар. После упорного шестичасового боя части 406-го, 410-го, 411-го стр. и кавполков зашли Перекоп, выбив противника за вал. 406-й и 411-й полки зашли позиции соответственно влево и вправо по валу, 410-й полк и конница двинулись на Армянский базар. В это время противник перешел в контр-наступление, введя в бой сведай офицерский полк и пустил его в обход 411-го полка, занимавшего вал к западу от Перекопа.

Бросившийся в атаку 1-й кавполк был отбит, части 411-го и 406-го полков в панике бросили позицию и начали в беспорядке отходить на Преображенку. 410-й, 411-й стрелковые и 1-й кавполк отступили в экономию Преображенку, 406-й стр. и 2-й кавполк в Первоконстантиновку...

1.1. Части бригады в 7 ч. перешли в наступление и после короткого боя овладели Перекопом. 406-й и 410-й полки продолжали наступать на Армянский базар, 411-й полк занял вал вправо и влево, 409-й возвратился в Преображенку. К 20 ч. 406-й и 410-й полки заняли Армянский базар, противник отошел на хут. Булгаково.

1.2. В 11 ч. противник численностью около 300 сабель и 100 штыков при 4-х орудиях перешел в наступление со стороны Карповой балки на Армянский базар, но был отбит кавчастями 8 кд занят хут. Булгаково. 406-й и 410-й полки перешли в х. Булгаково, 409-й и 411-й в Армянском базаре. 1-й кавполк в экономии Преображенка.

2.2. Бригаде; совместно с одним из кавполков 8 кд приказано занять дер. Карт-Казак и ряд хуторов по берегу оз. Старого. 1-й кавполк должен был сосредоточиться к 6 ч. в Армянском базаре, откуда совместно с 409-м и 411-м полками идти на хут. Булгаково. Из-за опоздания конницы полки прибыли на хутор только к 10 ч., откуда в это время повели наступление 406-й полк на хутора на северо-западном берегу оз. Старого, 410-й — по тракту на Юшунь. При развертывании в боевой порядок полки были расположены: 1-й кавполк,

409-й, 410-й, 411-й, 406-й, имея связь влево с сотней 8 кд. 3-й кавполк 8 кд находился в хут. Булгаково...

Левее, вдоль дороги Армянский базар — д. Мурза-Каяш вели наступление кавполки 8 кд. В этот день, 2 февраля, произошло решающее сражение, которое и решило исход январской наступательной операции Красной Армии. Сведения о нем наиболее полно сохранились в трех источниках: 1) журнале боевых действий 2-й стр. бригада 46 сд, 2) описании боя, веденного 8 кд 2.02.20, составленном временно исполняющим должность начштаба 8 кд Самусем, 3) в реляции боя.

В реляции боя приведены подробные данные разведки красных о боевом составе частей 3-го армейского корпуса, противостоящих наступающим. «... Противник занимал конницей хутора в 5—6 верстах к югу от х. Булгаково. Перед переходом в наступление сведения о противнике тлелись следующие: д. Карт-Казак и хутора к западу и северо-западу занимались конницей полковника Морозова численностью более 600 сабель при 10 легких и 2-х 6-дюймовых орудиях. Пехота 34-й дивизии в составе Симферопольского, Феодосийского и Таганрогского полков по 300—400 штыков в каждом, Славянский полк в 300 штыков, батальон юнкеров Константиновского училища — 300 штыков — и особый офицерский полк численностью до 600 штыков занимали укрепленную позицию по линии Карт-Казак — оз. Старое за проволочными заграждениями.

Около II часов части 3-го армейского корпуса, перешли в контратаку. Вот как описывает этот бой журнал боевых действий 2-й стр. бригада 46 сд: «...По наступающей пехоте верстах в 4—5 от Карт-Казака противник открыл ураганный артогонь из 3-х дюймовых батарей и, рассыпав перед фронтом редкую цепь кавалерии, одновременно повел обход нашего правого фланга конницей силою до 400 сабель, сбил I-й кавполк, который, не оказав значительного сопротивления, бросился в панике бежать на х. Булгаково, обнажив фланг пехоты. В это время две сотни 3-го кавполка 8 кд бросились наперерез кавалерии противника, устремившегося в тыл вдоль Перекопского залива. Комполка I т. Ростоцкий бросился также в атаку, но увлек за собой только несколько человек, остальные бежали, был ранен и возвратился обратно. Противник, же, не обращая внимания на действия нашей

кавалерии, продолжал распространяться по нашему тылу в числе ок.150 сабель. Оставшаяся кавалерия обрушилась на фланг пехоты, смяла 409-й полк и продолжала теснить пехоту по фронту влево. Бросившаяся к нам в тыл кавалерия заняла хут. Булгаково, отрезав, таким образом, путь отступления сбившейся на левом фланге пехоты. I-й кавполк и части 3-го кавполка 8 кд в панике бежали на Армянский базар. Обрушившись на пехоту, противник окружил ее с трех сторон. Пулеметчики и отдельные красноармейцы пытались открыть стрельбу, но были тут же зарублены казаками. Забравши в плен пехоту и пулеметы, противник устремился на Армянский базар и задерживался частью 3-го кавполка. 8 кд до подхода 1-го и 2-го кавполков 8 кд, которые и отбили наступление противника... Удалось бежать всем комполка и военкомам, за исключением командира и комиссара 409-го стр. полка, которые, будучи окружены, застрелились... Сбор успевших бежать из плена красноармейцев в дер. Чаплинка...»⁵

Со стороны командования 8 кд, донесение о сражении составил врид начштадив Самусь, он, в частности, докладывал: «...Части 46 сд, охраняемые с правого фланга I-м кавполком 46 сд и поддержанные с тыла 3 кавполком 8 кд, перешли в наступление на х. Карт-Казак... ок. 2 ч. обозначился обход правого фланга наших частей кавалерией противника, силою ок. 400 сабель I-й кавполк в панике отступил, а противник стремительно бросился на пехоту, стараясь ее окружить, что ему и удалось, таким образом, вся пехота оказалась в плену. 3-й кавполк 8 кд атаковал противника, но, угрожаемый обходом справа, в свою очередь стал отходить... Одновременно с этим 5-й кавполк 8 кд и 2-й кавполк 46 сд, наступавшие на Мурза-Каяш, вышли на линию высоты 75. Здесь они были встречены сильным артиллерийско-пулеметным огнем противника, и отошли к хут. Филатову... новой атакой высота 75 была взята, но справа показалась кавалерия противника, что заставило 2-й и 5-й кавполки поспешно отступить... В 12 ч. 1-й и 2-й кавполки 8 кд были введены в бой, в результате которого противник к 18 часам был отброшен к Карт-Казак и Карпову балку, где и закрепился... потери по дивизии: 9 убитых, 48 раненых...»¹ Таким образом, решающую роль в отражении наступления частей. 46 сд и 8 кд на Перекопском перешейке как 25.01,

так, особенно, и 2.02.20 сыграла Донская бригада полковника Морозова. Казаки в этих боях действовали своим излюбленным способом: рассыпав перед фронтом наступающих редкую цепь, они основными силами заходили им во фланг и тыл. Противник, как правило, не успевал перегруппироваться и бежал или попадал в плен.

Командование 46 сд (Р.П. Эйдеман) так и не сумело обеспечить наступающим полкам сильного кавалерийского прикрытия, в результате чего пехота, застигнутая врасплох, понесла огромные потери убитыми, ранеными и пленными. Комбриг 2-й стр. бригады Шеметов доносил 9.02.20 в штаб дивизии: «... По сообщению военкомов, боеспособных стрелков осталось: в 410-м полку — 85, в 409 -м — 50, в 411-м — 15 панически настроенных...»⁶

На 27 февраля 1920 г. боевой состав 2-й бригады был следующим:

- «...409-й полк: комсостава — 20, штыков — 70, конных разведчиков — 33, пулеметчиков — 18, прочих строевых — 27, нестроевых — 138;
- 410-й полк: комсостава — 21, штыков — 38, конных разведчиков — 37, пулеметчиков — 24...
- 411-й полк: комсостава — 27, штыков — 27, разведчиков — 28, пулеметчиков — 18...»

Итого в 3-х полках было 135 штыков.

9.02.20 начдив 46 сд издает следующий приказ: «...Ввиду малочисленного состава полков 1-й и 2-й стр. бригад, наличность которых не превышает батальона... приказываю наличный состав каждого полка указанных бригад свести в полки однобатальонного состава... 1-й и 2-й кавполки свести в полки одноэскадронного состава... лишний командный состав выслать в штаб дивизии...»⁷

Если после боев 23—25 января части 46 сд были еще в состоянии наступать, то в результате встречного сражения 2 февраля полки понесли такие потери, что ни о каком наступлении не могло быть и речи. В предшествующей литературе, в частности, в воспоминаниях самого Я.А. Слащева о сражении 2 февраля почти не упоминается, а, между тем, по мнению автора, оно, по своим результатам (разгром и пленение ударного кулака 46 сд) и было тем переломным моментом, который почти до середины марта дал войскам 3-го корпуса передышку и обеспечил безопасность Крыма

от вторжения. На левом фланге, в районе Чонгарского полуострова, наступала 3-я стр. бригада 46 сд. Ее действия были более успешными, что видно из журнала боевых действий бригады за февраль 1920 года: «...1.02.20. Части бригады продолжают теснить противника, выбитого с укрепленных позиций в районе ст. Джимбулук. Захвачено 212 пленных, из них 75 человек (рота особого назначения) при 6 офицерах перешли на нашу сторону с винтовками и 2-мя пулеметами. К вечеру 1 февраля Чонгарский полуостров очищен от противника, который при отступлении разобрал южную часть Чонгарского моста...2.02. Частями бригады занята ст. Сиваш, которую противник непрерывно обстреливает с бронепоездов и тяжелых батарей, южная часть Сивашского железнодорожного моста противником сожжена, для предотвращения принятия мер к ремонту нами такового, у моста непрерывно дежурят бронепоезда противника...»⁸ Ко 2 февраля наступление красных было остановлено и здесь. Наступил этап позиционной войны.

На основании оценки январских боев можно назвать следующие причины неуспеха наступления частей Красной Армии:

I. Недооценка сил противника, и как следствие, наступление малыми силами, без серьезного кавалерийского прикрытия и артподготовки.

II. Неумелое руководство полками и бригадами, трусость отдельных командиров.

III. Отсутствие единого командования силами ударной группировки (части 8 кд не были в оперативном плане подчинены начдиву 46). Удачный план защиты перешейков, разработанный командиром 3-го армейского корпуса генералом Я.А. Слащевым, дававший ему широкую свободу маневра резервами (вместо позиционной защиты турецкого вала) и позволивший ему в конечном счете окружить и уничтожить ударную группировку противника.

¹ Павловский - командир 4-го Крымского корпуса армии Махно. Нестор Иванович Махно. Киев, 1991. С. 101-102.

² Из журнала боевых действий 2-й стр. бригады 46 сд за 25.01.20 г. - ЦГАСА, ф.1426, оп.2, д.120, л. 29—30.

³ ЦГАСА, ф. 1426, оп.2, д. 147, л.54—55.

⁴ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 2. — 0.397—398).

⁵ ЦГАСА, ф.1426, оп. 2, д.120, л. 29—30.

⁶ ЦГАСА, ф.1426, оп. 2, д. 270, л. 14.

⁷ Там же, л. 53.

⁸ ЦГАСА, ф.1426, оп. 2, д.120, л. 31—32.

Figurative and Metaphorical Pole of Philosophical Knowledge

Образно-метафорический полюс философского познания

Irina Vladimirovna POLOZOVA,

doctor of philosophical sciences, professor in the department of sociology and political science of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна ПОЛОЗОВА,

доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Для цитирования: И.В. ПОЛОЗОВА. Образно-метафорический полюс философского познания. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 22—26.

Annotation. The article deals with the meaning of metaphors for philosophy. It is shown that the peculiarity of the philosophical approach to the world requires a duality of means, among which, along with the concept, there is a metaphor. The features of philosophical metaphors and approaches to the study of their meaning for philosophy are considered.

Key words: metaphor, philosophy, the nature of philosophy, philosophical metaphors

Аннотация. В статье рассматривается значение метафор для философии. Показывается, что особенность философского подхода к миру требует двойственности средств, среди которых наряду с понятием выступает метафора. Рассматриваются особенности философских метафор и подходы к исследованию их значения для философии.

Ключевые метафора, философия, природа философии, философские метафоры

Философия на протяжении всей своей истории существовала как знание особого рода, представляя собой, с одной стороны, универсальную науку, и, с другой стороны, целостное, сродни мифологическому, постижение реальности. Двойственность философии носит принципиальный характер, в ней соединены два различных по своей природе начала: одно — рациональное, логическое и другое — иррациональное, чувственно-интуитивное. Реальная картина становления философской мысли может быть воссоздана лишь с учетом существования двух полюсов философского знания.

Амбивалентность природы философии проявляется в двойственности используемых ею средств, в качестве которых наряду с понятиями используется метафора. Понятие связывается, прежде всего, с рациональным полюсом и представляет формально-логическое начало философии. Метафора же, соответст-

венно, представляет чувственно-интуитивный полюс философии.

Метафора способна в полной мере выражать внерациональное отношение человека к миру, потому что она является основным языковым и концептуальным средством тех форм духовной жизни, где преобладает интуитивное начало, мифа, религии, искусства. Метафора является носителем целостного, синкретичного мировидения мифологии. Путь «от мифа к логосу», который привел к появлению философии, не означал отмену изначальных интуиций мифологии, но лишь дополнил их рациональными обоснованиями.

В философской метафоре «вечные» темы, в числе которых универсум, человек, познание, предстают в изменчивых «оболочках» культурного происхождения. Философская метафора характеризуется, кроме того, принципиальным различием составляющих: с одной стороны, наиболее абстрактных идей, а с

другой — вполне конкретных образов. Подобное соединение позволяет постичь абстрактное философское содержание и осваивать новые смысловые пространства на основе известных явлений культуры и социума.

Многие фундаментальные философские термины обязаны метафоре своим происхождением («субстанция», «материя», «идея» и др.). Особенностью философских метафор является их сосуществование наряду с понятием, и, нередко, в последующем, закрепление в виде понятия, и, поэтому, их относительность, а не абсолютность, как, например, в поэзии.

Исторический подход к философским метафорам показывает, что они, по преимуществу, заимствуются из форм духа, господствующих в жизни общества в тот или иной период. Так, метафоры античной философии имеют мифологическое происхождение, и вся древняя философия, по сути, является рациональной обработкой мифа. Важнейшие образы античной философии являются генетически образами мифов. В их числе наиболее широко употреблявшиеся в мифологии образы огня, воды, земли, круга, пещеры.

Так, Г. Башляр продемонстрировал, что ключевые образы, определившие развитие ранней философии, такие как вода, воздух, земля и огонь, являются не столько физическими сущностями, сколько первоосновами нашего воображения.

Первым образом, который использовался для описания первоначала и первоосновы мира в античной философии, была вода в учении Фалеса Милетского. Данный образ генетически связан с мифологией и является отражением и порождением архетипической основы человеческой психики. Ведь, нельзя считать простым совпадением то обстоятельство, что во всех известных мифах о происхождении мира его начало связывается с первородными водами. В выборе воды в качестве первоначала сыграл свою роль также символизм воды как переходного состояния между мирами живых и мертвых (обычно разделяемых реками и морями), миром бытия и небытия.

Образ огня у Гераклита также представляет собой перенесение в философскую среду фундаментального мифологического образа. Так, наиболее значительные характеристики гераклитовского огня связаны с образом Гефеста, олимпийского божества малоазийского происхождения, олицетворяющего собой древнейшие черты огненной стихии. Образы, характеризующие гераклитовский огонь, тесно связаны с кузнечным мастерством, и, тем самым, обозначают скрытое присутствие мифического кузнеца-божества Гефеста. Таким образом, огонь у Гераклита, по своему происхождению мифологичен, он является метафорой, взятой из среды мифа.

К числу метафор мифологического происхождения принадлежит знаменитая пещера Платона, которая сама по себе является мифологическим образом с определенной смысловой нагрузкой. Образ колесницы, сыгравший важнейшую роль в учении Платона, также является мифологическим по происхождению. Он часто использовался в античной мифологии для демонстрации могущества и быстроты передвижения богов или героев. Как известно, Платон использует образ крылатой колесницы для описания структуры человеческой души, изначально принадлежащей миру идей и данный образ был выбран Платоном не случайно, ибо возникший (воин на боевой колеснице) считается символом человеческой сущности в ряде мистических традиций.

В античной философии присутствуют метафоры, по происхождению связанные с распространенным в мифологии образом мирового древа, объединяющего низший и высший миры, мир естественный и сверхъестественный. В их числе производная от образа дерева метафора «корни вещей», используемая Эмпедоклом применительно ко всем четырем первоначалам бытия (земле, воде, огню и воздуху).

В древнегреческой философии выделяются метафоры, восходящие к геометрическим символам: кругу, квадрату. Образ круга является метафорой совершенства и законченности, полноты и вечности. Данный образ использовался в философии элеатов для обозна-

чения полноты и совершенства божества (Ксенофан), а также единства и целостности бытия (Парменид). У Эмпедокла образ круга обозначает цикличность, замкнутость смены фаз существования мира.

Возникновение христианства в начале первого тысячелетия нашей эры было знаменательным явлением и для философии. Христианские тексты становятся важным источником образов и метафор для философии данного периода. Возникает и обоснование правомерности подобного переноса: философы периода ранней патристики прямо указывают на инвариантность содержания греческой философии и христианства (Юстин, Климент, Ориген).

Уже у Филона Александрийского появляется метафора «философия — служанка теологии» особенно популярная в средние века. Смысл такой метафоры Филон пояснял через библейские образы: отношения между философией и теологией сравнимы с отношениями между Агарью и Саррой. Агарь рождает плод (мудрость) раньше, чем ее госпожа, что, тем не менее, не мешает оставаться ей всего лишь служанкой. Сарра, символизирующая богословие, рождает ребенка позже, но ее плод является законным сыном, истинной премудростью. Так, подобно Агари, греческая философия должна быть вечной служанкой веры Израиля.

В период средневековья, как известно, христианская религия становится господствующей сферой духовной жизни человечества. Философские тексты, поэтому, наполняются образами и метафорами религиозного происхождения. В отличие от логически сконструированного понятия о Боге, которое формируется с помощью категорий греческой философии, как, например, у Фомы Аквинского, в средневековых учениях возникает метафорическое видение Бога, создающееся с помощью ярких чувственных образов. Таким важнейшим образом является образ света и связанная с ним метафора «иллюминации» (вспышки, озарения), означающая соединение Бога и человека, проникновение в душу человека божественной благодати.

К числу важных метафор средневековья относится метафора лестницы, задающей образ мироустройства как иерархически организованного целого. Впервые проведенную последовательно идею иерархии мы находим во входящих в состав «Ареопагитик» (V в.) работах «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии». Иерархичность полагается здесь универсальным свойством мира, который предстает как иерархически организованное целое. Возникает даже своеобразный «табель о рангах», присущий различным уровням бытия. Лестница является необходимой метафорой для всех мистических теорий средневековья. Бернар Клервосский, Гуго и Ришар Сен-Викторские (XII в.) говорят о лестнице, представляющей собой ряд ступеней познания, ведущих к Богу. где на последней ступени происходит «погружение в истину» и осуществляется состояние экстаза. Бонавентура (1217—1274) описывает путь души к Богу как преодоление шести ступеней иерархически устроенного мира.

В эпоху Возрождения в философские учения постепенно начинают проникать образы, порожденные наукой. Так, у Николая Кузанского (1401—1464), мы находим ряд «геометрических» метафор, построенных на основе образов, заимствованных из геометрии, в числе которых, например, трактовка совпадения противоположностей как слияния прямой и кривой линий при значительном увеличении радиуса окружности. Николай Кузанский уподобляет отношение Разума к Истине (в другом случае, отношение времени к вечности) соотношению многоугольника и круга: чем больше углов у вписанного в круг многоугольника, тем ближе он к окружности, и тем, при больших усилиях разума, точнее мы приближаемся к истине¹ («Ученое незнание»). У того же Николая Кузанского мы можем встретить также метафоры механистического типа, например, образ «машины мира», который был введен до него в средние века Н. Оремом.

В Новое время основным источником философских метафор становится наука. На протяжении данного периода метафоры черпаются преимущественно из наиболее развитых

и влиятельных ее разделов. Следует отметить, что начиная с данного периода можно говорить об использовании философией метафор в современном смысле слова, понимая под метафорой производный, вторичный способ выражения. Напомним, что вплоть до Нового времени метафора являлась собственным и первичным средством выражения особого внерационального опыта.

Первоначально на протяжении многих веков образы для философии поставляла механика, и практически все философы Нового времени прибегали к механическим метафорам для пояснения своих теорий. Так, метафора «мировой машины» — представление и осмысление мироздания в виде гигантской машины — встречается, например, у Г. Лейбница, сравнивающего устройство мироздания с часовым механизмом. Метафора машины также применялась по отношению к живым существам. Так, согласно Лейбницу, «всякое органическое тело живого существа представляет собой Божественную машину или естественный автомат»². Особенно известным является использование данного образа Ж. Ламетри, создавшего метафору «человек — машина», обоснованию которой французский философ посвятил одноименный трактат. Для Т. Гоббса жизнь вообще является процессом чисто механическим и автоматическим: «жизнь — есть лишь движение членов, причем сердце — это пружина, нервы — нити, а суставы — колеса, сообщающие движение всей машине человеческого тела»³.

Доминирование метафор, заимствованных из биологии и других наук о жизни, относится к более позднему периоду. Наиболее распространенной среди «органических» метафор, представляющих собой осмысление мироустройства по аналогии с растительным или животным организмом, является метафора развития. По типу разворачивания, прохождения различных фаз жизни растением или животным описывается жизнь природы, общества и духа Г. Гегелем. Русский мыслитель Данилевский Н.Я., биолог по образованию, в работе «Россия и Европа» применял характеристики, с помощью которых описываются живые

организмы (рост, цветение, гибель), к человеческим культурам, что помогло ему осмыслить ряд феноменов социальной жизни. О. Шпенглер использует органическую метафору для описания существования различных культур от египетской и вавилонской до западноевропейской. Он также сравнивает их эволюцию с жизнью цветущего растения, где каждая культура последовательно проходит стадии роста, цветения и гибели. Биологические метафоры применительно к цивилизации использует и А. Тойнби, продолжающий линию Шпенглера. Употребляя терминологию современной биологии, и, в особенности, таких ее разделов как экология и генетическая теория, он говорит об «ареале» цивилизации, о ее росте, об «истощении жизненных сил» и о «мутациях обществ»⁴.

В Новое время, характеризующееся возрастанием роли хозяйственной, экономической жизни, в философских текстах нередко встречаются и «экономические» метафоры — метафоры, созданные на основе образов, получивших хождение в сфере экономики. Философские идеи облачаются в образы, заимствованные из экономической сферы. Так, А. Шопенгауэр полагает, что «мир — полный банкрот, жизнь — такое предприятие, которое не окупает своих издержек». В эпоху капитала в экономических категориях могут представать перед нами жизнь и смерть, человеческое бытие и мир в целом. Для того же А. Шопенгауэра «жизнь подобна платежу, который весь подсчитан из медных копеек, и который надо все-таки погасить. Эти копейки — дни, это погашение — смерть». Приведем еще более развернутую метафору экономического характера из трудов А. Шопенгауэра: «человеческое бытие — не подарок, но долг, который мы должны заплатить по условию. На уплату этого долга уходит обыкновенно вся наша жизнь, но и она погашает только одни проценты. Уплата же капитала производится в момент смерти»⁵.

Появление метафор по происхождению связанных с экономической сферой, обусловлено, как мы полагаем, усилением значимости финансовой деятельности для жизни человека.

Здесь можно сформулировать общее правило, состоящее в том, что возрастание значимости какой-либо сферы в жизни общества, как правило, приводит к увеличению числа метафор, детерминированной данной областью.

Позднейший, современный период существования философии (мы имеем в виду в первую очередь XX век) характеризуется широким использованием «гуманитарных» метафор, заимствованных из сферы гуманитарных наук, например, по происхождению связанных с историей и археологией. В их числе метафоры видного представителя французского структурализма М. Фуко, такие как, например, «археология знания», определяющая, в свою очередь, появление метафоры «дискурсионные формации», а также метафора «архива», используемая применительно ко всем сферам жизни и знания.

В современной философии, кроме того, весьма распространены метафоры языкознания, лингвистики, герменевтики, среди которых можно назвать метафору «герменевтического круга» в онтологии, а также метафору «интерпретации», применяющуюся в переносном значении к миру физических объектов. Основой ряда современных философских учений является базисная метафора «мир есть текст».

Новейшая философия также широко черпает метафоры из таких сфер как искусство, особенно авангардистского. Это относится, в частности, к философии постмодернизма. Метафоры постмодернизма: «коллаж», «монтаж», «вырезки», «врезки», «открытость разбитого», «разломы», «краи»; «плагитаризм», «перспективизм» связаны по своему происхождению с искусством авангарда.

Множество метафор философии XX века по происхождению является *политическими*, заимствованными из словаря политики, к которым прибегают мыслители различных философских направлений. Так, у постструктуралиста Ж. Деррида мы встречаем выражения «пространство репрессии», и «очаги сопротивления», использующиеся как политические метафоры по отношению к языку. Представитель постпозитивистского течения П. Фейерабенд провозглашает принцип анархизма в эпистемологии, опирающийся на принцип «все дозволено», который в отношении познания является метафорой. Теоретик постмодернизма Ф. Лиотар указывает на существование «дискурса легитимации», то есть определенного способа власти посредством языка и в языке, и выделяет в связи с этим «легитимные» и «нелегитимные» формы рациональности, что также по отношению к языку можно рассматривать как метафорические выражения.

Таким образом, можно заключить, что философия XX века, в целом, характеризуется большим разнообразием метафор, а также сфер, из которых они черпаются. Можно также утверждать, что XX век соединил в философии метафоры науки и обыденной жизни, образы мифов и искусства, метафоры политики и экономики, и что плюрализм в использовании метафор является отличительной особенностью современной философии.

---

¹ Кузанский Николай. Сочинения. В 2-т. М., 1979, т. 1, 53.

² Лейбниц Г. Сочинения. В 4-х т. М., 1982-89, т. 1, 495.

³ Гоббс Т. Сочинения. В 2-х т. М., 1991, т. 2, с. 47.

⁴ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991, с. 92-93.

⁵ Шопенгауэр А. Избранные произведения М., 1992, с. 71.

World Practice of Stress Testing of the Banking Sector: Main Development Trends

Мировая практика стресс-тестирования банковского сектора: основные тенденции развития

Timur Andreevich ZOLKIN,
undergraduate faculty of Economics, Moscow state University.
M.V. Lomonosov
E-mail: timur.zolkin@yandex.ru

Тимур Андреевич ЗОЛКИН,
магистрант экономического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: timur.zolkin@yandex.ru

Для цитирования: Т.А. ЗОЛКИН. Мировая практика стресс-тестирования банковского сектора: основные тенденции развития. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 27—31.

Annotation. The article analyzes the world practice of stress testing of the banking system. Stress testing is considered as a tool for assessing the possible impact of adverse conditions on the stability of the banking system. It is proved that stress testing is a tool that, if not able to prevent them, at least allows you to identify the weaknesses of the existing financial structure in an era of stability, when no one expects serious shocks.

Аннотация. В статье анализируется мировая практика стресс-тестирования банковской системы. Стресс-тестирование рассматривается как инструмент оценки возможного влияния неблагоприятных условий на устойчивость банковской системы. Доказывается, стресс-тестирование является инструментом, которое, если и не способно их предотвратить, то по крайней мере позволяет определить слабые места существующей финансовой конструкции в эпоху стабильности, когда никто не ждет серьезных потрясений.

Key words: stress testing, risk management, banking system, financial sphere

Ключевые стресс-тестирование, риск-менеджмент, банковская система, финансовая сфера

В период после мирового финансового кризиса 2008-го года, практика стресс-тестирования пережила новый виток своего развития в качестве одного из центральных направлений оценки устойчивости банковского сектора. События 2007—2009-х годов показали высокую степень влияния на современную экономику процессов, происходящих в финансовой сфере, в числе основных игроков которой находятся, в первую очередь, коммерческие банки. Роль банковской системы сегодня такова, что она выходит за пределы экономики и становится важным фактором цивилизационного развития человечества¹.

Изучение проблемы стресс-тестирования продиктовано возросшим в последние десятилетия и проявившимся в разгар финансового кризиса влиянием теневой банковской системы, которая является носителем значитель-

ных системных рисков. До недавнего времени практика стресс-тестирования финансового сектора фактически игнорировала теневую банковскую систему, что негативно сказывалось на оценке уровня рисков и приводило к недооценке эффекта заражения. На этом фоне наблюдается рост практической значимости стресс-тестирования в связи с растущей необходимостью в разработке инструментов по оценке и снижению отрицательного влияния разного вида шоков.

Если попытаться дать наиболее емкое определение на основе обобщения трактовок стресс-тестирования, которые дают МФВ, Мировой Банк, Банк Англии, то можно сделать вывод, что данные трактовки, несмотря на существенные различия, сходятся в утверждении необходимости дать оценку устойчивости системы в условиях, характеризующихся

существенными отклонениями от нормального функционирования под воздействием различных факторов, шоков.

Попробуем сформулировать, что мы далее будем понимать под стресс-тестированием. Стресс-тестирование — это инструмент риск-менеджмента, используемый для оценки возможного влияния крайне неблагоприятных, но правдоподобных условий на устойчивость банковской системы.

Стресс-тестирование зародилось в качестве инструмента, используемого банками для своих внутренних целей риск-менеджмента. Банки прибегали к стресс-тестам рыночного риска в 90-ые годы XX века при расчете максимальных убытков по торговому портфелю, для определения торговых лимитов и необходимого размера капитала по фондированию определенных типов портфелей.

С точки зрения центрального банка, основным преимуществом стресс-тестирования является возможность оценить стабильность функционирования банковского сектора, а также способность банковского сектора предоставить необходимый объем ликвидности и принять на себя крупные убытки в результате редких, но возможных событий, получивших неформальное наименование «черные лебеди».

Результаты стресс-тестов содержат необходимые данные, обосновывающие решение о проведении «политики вмешательства» с учетом рисков или уязвимостей финансового сектора.

С точки зрения Банка Англии², регулярное проведение стресс-тестов достаточности капитала банковского сектора стимулирует:

1. Рост прозрачности в области принятия решений, касающихся достаточности капитала;
2. Банки ответственно подходить к обеспечению финансовой устойчивости;
3. Развитие надзорной практики;
4. Сохранение и приумножение доверия к банковской системе как к единому целому;
5. Развитие управления рисками и капиталом.

На микроуровне необходимость проведения стресс-теста с точки зрения регулятора обычно состоит в определении подверженности определенного финансового института стрессовым событиям. Для коммерческих бан-

ков подобные стресс-тесты выглядят привлекательно в качестве дополнения механизма принятия ключевых управленческих решений.

В 1996 г. Базельский комитет по банковскому надзору провел формализацию методики использования стресс-тестов при оценке рыночного риска, обязав все банки, использующие внутренние модели оценки рыночного риска, включить стресс-тесты в свой инструментарий. Позже в 2004 г. в рамках пакета Базель II началось внедрение стресс-тестов оценки кредитного риска, которые использовались с целью определить достаточность капитала.

После начала эксплуатации программы оценки финансового сектора МВФ и Всемирного банка (FSAP) в 1999 г. надзорные органы и центральные банки постепенно стали использовать стресс-тесты при оценке рисков, которым подвержена финансовая система. Стресс-тесты FSAP и регуляторов тех лет сводились к анализу чувствительности финансовой системы к выбранному фактору (впрочем, чуть позже, модели стали мультифакторными) и основывались на ограниченном наборе данных в отличие от стресс-тестов, проводимыми самими коммерческими банками.

Прежняя система управления рисками финансового сектора показала свою несостоятельность во время мирового финансового кризиса. Так Базельский комитет³ практически сразу заявил о слабой интеграции стресс-тестов в систему управления рисками. Это выражается, например, в том, что стресс-тесты не порождают систему стимулов, заставляющих банки переосмысливать свою стратегию и иначе подходить к процессу планирования капитала. Также существовавшие в то время стресс-тесты, концентрируясь, в основном, на рыночном риске, упускали из виду целый пласт рисков (например, риск ликвидности) и поведение сложных структурных продуктов. Эти и другие проблемы требовали решения, что выразилось в попытке Базельского комитета разработать Принципы надежных практик стресс-тестирования в 2009 г. В октябре 2018 г. Базельский комитет снова вернулся к формулированию принципов стресс-тестов, признавая процесс стремительной эволюции и распространения практики стресс-тестирования в последние годы.

Одним из далеко идущих последствий мирового финансового кризиса 2007—2009 гг. является осознание того, что устойчивость финансовой системы (несмотря на тот факт, что сам термин «устойчивость» в данном контексте может пониматься по-разному) зависит не только от устойчивости отдельно взятых финансовых институтов, она подчинена устойчивости группы финансовых институтов, оказывающих влияние на всю экономику⁴. В связи с этим растет применение стресс-тестов на макроуровне в противовес стресс-тестам на микроуровне, фокусирующихся на определении стабильности функционирования отдельного финансового института под воздействием шоков⁵.

Если же попытаться провести грань между стресс-тестами на макро- и микроуровне, то под стресс-тестом на макроуровне (макрэкономический стресс-тест) мы будем далее понимать стресс-тест, оценивающий влияние резкого изменения значений макроэкономических факторов на устойчивость финансовой системы в целом. В свою очередь, к микроэкономическим стресс-тестам относятся стресс-тесты, в которых объектом оценки является отдельный финансовый институт или группа. Широкое применение нашел термин «макропруденциальный стресс-тест», который в изложении МВФ определен в качестве стресс-теста, «учитывающего реакцию финансовых институтов на экономический шок и их взаимодействие друг с другом, и направленного на исследование устойчивости финансовой системы в целом, а не конкретных институтов»⁶.

Опуская глубокое знакомство с исторической эволюцией особенностей развития стресс-тестирования⁷, попробуем выделить четкие причины возникновения и тенденции развития стресс-тестирования.

К причинам возникновения стресс-тестирования можно отнести:

1. Необходимость, с точки зрения отдельных банков, в инструменте внутреннего риск-менеджмента для оценки устойчивости банка к шоковым сценариям;

2. Потребность национальных регуляторов в инструменте оценки устойчивости банков-

ской системы к шокам (особенно после чреды банковских кризисов 80-ых);

3. Совершенствование возможностей по обработке данных и появление достаточного объема статистических данных для проведения стресс-тестирования.

На развитие стресс-тестирования оказали влияние следующие факторы:

1. Финансовые инновации 80—90-х гг. XX в.

2. Деятельность международных организаций, в первую очередь, Базельского комитета по банковскому надзору по формированию методических рекомендаций в области банковского регулирования.

3. Растущая роль финансового сектора в процессе разворачивания кризисных событий 1998-го, 2001-го, 2007-го года.

4. Активное развитие параллельной (теневой) банковской системы, вызвавшее необходимость включения более широкого количества объектов в проводимые стресс-тесты.

Как мы видим, практика стресс-тестирования подвержена влиянию целого ряда факторов, которые определяют ее долгосрочное развитие. Фактически, требования национальных регуляторов и внутренние постоянно меняющиеся потребности коммерческих банков играют первостепенную роль в эволюции инструментария стресс-тестирования.

После мирового финансового кризиса 2007—2008-х годов макропруденциальная политика вышла на первый план деятельности центральных банков по всему миру. Под макропруденциальной политикой понимается «применение пруденциальных инструментов для снижения системного риска в финансовом секторе в целом либо в его отдельных сегментах»⁸. Подводя итог длительной дискуссии о сущности макропруденциальной политики, специалисты Совета по финансовой стабильности, Банка международных расчетов и МВФ в своем докладе определяют следующие ключевые особенности макропруденциальной политики:

1. Цель макропруденциальной политики состоит в ограничении системного риска, под которым понимается риск возникновения крупномасштабных дисбалансов в предостав-

лении финансовых услуг, которые могут вызывать значительные негативные последствия, распространяющиеся на всю экономику.

2. Макропруденциальная политика рассматривает финансовую систему целиком, включая связи между финансовой системой и реальной экономикой.

К центральным составляющим макропруденциальной политики можно отнести:

1. Анализ системных рисков на регулярной основе;

2. Институты, наделенные необходимыми полномочиями, с определенной ответственностью и подотчетностью.

3. Учет эффекта миграции финансовой активности за пределы сферы воздействия макропруденциальных инструментов.

Данные «утечки» финансовой активности могут быть как «домашними», т.е. финансовая активность покидает охватываемые макропруденциальным инструментом институты в пользу тех национальных институтов, которые еще не охвачены данным инструментом. Также миграция может быть направлена вовне, т.е. реципиентом может стать иностранное лицо, предоставляющее финансовые услуги.

4. Формирование системы информирования финансовых институтов и общества о системных рисках и макропруденциальной политике национального регулятора.

Отдельно остановимся на первом пункте, обращая внимание в разрезе макропруденциального анализа на такой элемент как макропруденциальное стресс-тестирование. Макропруденциальное стресс-тестирование (далее также МСТ) включает в себя оценку финансовой устойчивости банков и некредитных финансовых организаций с учетом связей внутри секторов и между ними (сетевые эффекты), последующей за шоком реакции участников рынка, их возможного дальнейшего взаимодействия и прочих побочных эффектов (spillover effects).

К целям макропруденциального стресс-тестирования можно отнести:

1. Оценка устойчивости отдельных участников в рамках наступления шокового сценария.

2. Информирование регулятора о требуемых объемах докапитализации отдельных или нескольких участников рынка.

3. Использование результатов стресс-теста в целях корректировки макропруденциальной политики.

4. Восстановление достаточного уровня доверия на рынке.

Отдельного внимания достоин последний пункт в силу своей дискуссионной природы. Хотя публикация, например, результатов стресс-тестирования банков в США после кризиса положительно сказалась на уровне доверия на рынках, стоит учитывать, что публикация новой информации вполне может и усугубить кризисные явления. В таком случае большую роль играет подготовка и доведение до сведения общественности информации о планирующейся антикризисной программе (так, в США в 2009 г. была подготовлена программа докапитализации банковского сектора).

В целом, если рассматривать недавнюю эволюцию практики стресс-тестирования в международном разрезе, то опыт Федеральной Резервной системы США, Европейского Центрального Банка, Банка России, а также ряд академических исследований показывают, что в данный момент можно выделить следующие характеристики нынешнего этапа развития концепций стресс-тестирования банковского и финансового сектора:

1) Процесс расширения охвата объектов стресс-тестирования. Периметр стресс-тестирования расширяется за пределы банковской системы в сторону прочих финансовых институтов и, так называемой, теневой банковской системы.

2) Учет растущего числа рисков при моделировании. Особенное внимание уделяется риску ликвидности.

3) Начало процесса включения в стресс-тесты макропруденциальных элементов, позволяющих учитывать системный риск с помощью оценки эффектов заражения и различных эффектов обратной связи.

4) Рост понимания важности достаточного характера раскрытия информации, публикуемой по результатам проведенного стресс-

теста, для коммуникации центральных банков и финансовых рынков.

Если же попытаться ответить на вопрос, куда будет двигаться практика стресс-тестирования в среднесрочной перспективе, то можно выделить следующие перспективные направления:

1) Совершенствование учета взаимозависимостей между банковской ликвидностью и кредитоспособностью с охватом широкого количества каналов распространения шоков и учетом распространения системного риска.

2) Использование новых и альтернативных подходов к моделированию. Так для моделирования сложной системы связей в финансовой системе могут быть полезны сетевые модели и агентное моделирование, которое позволяет опираться на достижения поведенческих финансов и учитывать поведенческие особенно реакции финансовых институтов в кризисных условиях.

Также свое место в разрезе стресс-тестирования может найти методика машинного обучения, которая успела себя зарекомендовать в финансах и прочих общественных сферах, в которых востребован анализ крупных массивов данных.

В завершение хотелось бы сказать, что в настоящий момент практика стресс-тестирования переживает этап своего активного развития, постепенно усложняясь и дополняя инструментарий проведения политики регулятора по поддержанию финансовой стабильности, которая всегда является актуальной. В данном контексте, когда мы говорим о совершенствовании методов оценки рисков на уровне банковского и всего финансового сектора, стоит вспомнить, что все модели и используемые нами предпосылки могут отразить лишь часть реальной картины мира, хотя безусловно эта видимая и понимаемая нами часть постепенно расширяется⁹.

Кризисные ситуации возникают неожиданно и стресс-тестирование является инструментом, которое, если и не способно их предотвратить, то по крайней мере позволяет определить слабые места существующей финансовой конструкции в эпоху стабильности, когда никто не ждет серьезных потрясений¹⁰. А как не без оснований утверждал американский экономист Хайман Мински: «Стабильность ведет к дестабилизации».

¹ Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия. М., Издательство Московского университета. 2018.

² A framework for stress testing the UK banking system. A Discussion Paper. October 2013 (дата обращения 22.02.2019) [Электронный ресурс]//URL: <https://www.bankofengland.co.uk/paper/2013/a-framework-for-stress-testing-the-uk-banking-system> (дата обращения 22.02.2019)

³ Principles for Sound Stress Testing Practices and Supervision, Basel Committee on Banking Supervision, 2009. [Электронный ресурс]//URL: <http://www.bis.org/publ/bcbs155.pdf>. (дата обращения 25.02.2019)

⁴ Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы: материалы Всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. Выпуск 7. М., 2018. С.223—244.

⁵ C. Borio, M. Drehman, K. Tsatsaronis. Stress-testing macro stress testing: does it live up to expectations? BIS Working Papers № 369., January 2012. [Электронный ресурс]// URL: <http://www.bis.org/publ/work369.pdf> (дата обращения 25.02.2019)

⁶ D. Demekas, Designing Effective Macroprudential Stress Tests: Progress So Far and the Way Forward. IMF Working Paper. June 2015. [Электронный ресурс]//URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15146.pdf> (дата обращения 25.02.2019)

⁷ История практики-стресс-тестирования, например, статья Данилова Е., Марков К. Макропруденциальное стресс-тестирование финансового сектора: международный опыт и подходы Банка России //Деньги и кредит, 2017. № 10 С.3—15.

⁸ Макропруденциальная политика: теоретические аспекты и практический опыт Банка России. Е. Данилова, Н. Елизарова. Деньги и кредит, № 6, 2017.[Электронный ресурс]//URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/26395/danilova_06_17.pdf (дата обращения 18.02.2019).

⁹ Цивилизация и модернизация: история и современность //под ред. проф. В.Ю. Бельского, проф. Е.А. Когай. М. 2019. 365 с.

¹⁰ Кризис как фактор социального развития: история и современность // Российская многопартийность и российские кризисы XX—XXI вв. М., 2016. С. 855—876.

**Socio-legal Analysis of Minors:
Demography and Statistical Characteristics
of Unauthorized Abandonment of State Education Institutions
by Minors in the Territory of the Sverdlovsk Region**

Социально-правовой анализ несовершеннолетних:
демография и статистическая характеристика
самовольного оставления несовершеннолетними
учреждений государственного воспитания
на территории Свердловской области

Tatiana Vitalievna MOLCHANOVA,

PhD, Associate Professor, Department of Criminology Moscow University Russian Interior Ministry named VY Kikot (FGKOU VPO «Moscow University Russian Interior Ministry behalf of VY Kikot»)

E-mail: molcha@yandex.ru

Татьяна Витальевна МОЛЧАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВПО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»)

МВД России им. В.Я. Кикотя»

E-mail: molcha@yandex.ru

Для цитирования: Т.В. МОЛЧАНОВА. Социально-правовой анализ несовершеннолетних: демография и статистическая характеристика самовольного оставления несовершеннолетними учреждений государственного воспитания на территории Свердловской области. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 32—38.

Annotation. The article is devoted to the demographic characteristics and statistical analysis of the facts of unauthorized abandonment of state education institutions by minors in the Sverdlovsk Region, a quantitative description of unlawful acts committed by minors (crimes, administrative offenses, other socially dangerous acts), information about minors who are victims of various unlawful attacks, is presented about wanted juveniles willfully departed from the state education institutions.

Key words: Socio-demographic analysis, statistical characteristics, population, minors, state education institutions, unauthorized withdrawals, behavior, search, problems of leaving public education institutions, internal affairs bodies, territory of the Sverdlovsk region

Аннотация. Статья посвящена демографической характеристике и статистическому анализу фактов самовольного оставления несовершеннолетними учреждений государственного воспитания на территории Свердловской области, представлена количественная характеристика противоправных деяний, совершенных несовершеннолетними (преступления, административные правонарушения, иные общественно опасные действия), сведения о несовершеннолетних, ставших жертвами различных противоправных посягательств, данные о разыскиваемых несовершеннолетних из числа ушедших самовольно ушедших из учреждений государственного воспитания.

Ключевые Социально-демографический анализ, статистическая характеристика, численность населения, несовершеннолетние, учреждения государственного воспитания, самовольные уходы, поведение, розыск, проблемы оставления учреждений государственного воспитания, органы внутренних дел, территория Свердловской области

В различных субъектах Российской Федерации демографическая ситуация складывается по-разному и приобретает специфический характер.

Уровень развития региона во многом определяют демографический состав населения,

этнический состав, доминирующий тип семьи и ряд иных факторов. Эта специфика воплощается и в специфику населения Свердловской области.

Следует отметить, что на демографическую ситуацию в Свердловской области про-

должают оказывать влияние негативные тенденции, заложенные еще в 90-х годах прошлого столетия, характеризующиеся резким спадом рождаемости и ростом числа умерших. К настоящему времени в Свердловской области за счет реализации государственных мер, направленных на улучшение демографической ситуации и проведения собственной демографической политики, удалось нивелировать негативные последствия предыдущего периода.

Численность населения области по данным Росстата составляет **4 315 699**¹ человек, из которых 84,8% (3 666 856 человек) городское население, 15,2% (658 400) — сельское. По половому признаку численность мужчин — 1 984 167, женщин — 2 341 089. Женщин в Свердловской области больше, чем мужчин, на 7,6 процента. Население области также можно разделить на три возрастные категории: моложе трудоспособного возраста — 841 741 человек, трудоспособного возраста — 2 367 093 человек и старше трудоспособного возраста — 1 116 422 человек.

В удельном весе несовершеннолетних по регионам Российской Федерации, Свердловская область занимает **36 место** и их доля составляет **19,1 %** от общей численности населения региона.² Численность детского населения Свердловской области составляет 919423 человека, в возрасте от 0 до 13 лет — 755250, от 14 до 17 лет — 164173. В настоящее время на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел области (на 01.09.2019) состоит 4541 несовершеннолетний (0,5% от общего числа детского населения), по основанию совершения антиобщественных действия (бродяжничество) — 640 (14,1% от общего числа состоящих).

17 377 детей оставшихся без попечения родителей проживает на территории Свердловской области³. Сообщается, что 2027 из них нуждались в семейном устройстве, тогда как о своем желании взять ребенка заявили за год только 1014 семей. Именно по показателю «готовность принимать детей в семьи» Свердловская область отличается от большинства регионов в худшую сторону. Если сравнить с другими регионами Уральского федерального округа, то его место — 4-е из 6.

За последние 4 года ситуация не изменяется к лучшему. Ситуация в Свердловской области считается «средней».

В это связи одной из основных задач Правительства Свердловской области является поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Это работа по социализации выпускников детских домов, обеспечению их жильем и помощь семьям, которые берут сирот под опеку или на воспитание. Так, к 2019 году в Свердловской области 90,5% детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываются в приемных семьях. Как следствие, существенно сократилось и количество детских домов (на начало 2013 года на территории региона работало 120 таких учреждений, то сегодня — 83). «Страшно, когда ребенок остается без семьи. Но вдвойне страшно, когда приемные дети оказываются ненужными и возвращаются в детские дома. Необходимо обеспечить адресную работу с каждой семьей, чтобы не допускать подобных ситуаций»⁴.

Статистическая характеристика оставления несовершеннолетними учреждений государственного воспитания.

Актуальной остается проблема самовольного оставления несовершеннолетними учреждений государственного воспитания. Так, если обратиться к региональным оценкам в количественной характеристике уходящих несовершеннолетних, то наибольшее число пропавших детей зафиксировано в Московской, Свердловской, Иркутской и Нижегородской областях, а также в Красноярском и Ставропольском крае. Об этом сообщает Следственный комитет России (СКР)⁵. В начале сентября 2019 г. стало известно, что в России участились случаи пропажи детей. В СКР сообщили, что число заявлений об исчезновении несовершеннолетних увеличилось на семь процентов по сравнению с 2018 годом. В ведомстве отметили, что ежедневно следователи получают по 35 таких сообщений.

Отметим, что в августе 2019 года президент Российской Федерации Владимир Путин подписал закон, разрешающий сотрудникам полиции искать пропавших несовершеннолетних по координатам их мобильных устройств (телефоны, планшетные компьютеры, умные часы). До этого на получение такого

разрешения могло уйти несколько дней. «В поиске пропавших несовершеннолетних имеют значение часы и минуты», — говорилось в пояснительной записке к законопроекту об оперативно-розыскной деятельности. Как известно, «значительное количество» пропавших имеют при себе мобильные телефоны, планшеты и другие устройства, «включенные в первые часы и даже дни» розыска. Для начала поисков по геолокации мобильного устройства пропавшего несовершеннолетнего потребуется письменное согласие одного из родителей. До принятия этого важного закона у оперуполномоченных фактически не было никакой возможности своевременно обратиться к данным сотовых операторов.

Проблема самовольных уходов несовершеннолетних из учреждений государственного воспитания продолжает оставаться одной из трудно разрешимых и вопросы профилактики самовольных уходов несовершеннолетних из организаций социального обслуживания находятся на особом контроле в Министерстве социальной политики Свердловской области.

Министерством на постоянной основе осуществляется сбор статистических данных о самовольных уходах несовершеннолетних организаций социального обслуживания и осуществляется анализ причин и условий совершения несовершеннолетними самовольных уходов. К организациям социального обслуживания, находящимся в ведение Министерства социальной политики Свердловской области, осуществляющим Деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, относятся 17 центров социальной помощи семье и детям, 46 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, 7 комплексных центров социального обслуживания в которых функционируют отделения по работе с семьей и детьми. В Свердловской области по состоянию на 01.01.2019 в данных организациях социального обслуживания находилось — **2043** несовершеннолетних.

На сегодня на территории Свердловской области расположено около 70 учреждений государственного воспитания.

Таблица 1. Статический анализ зарегистрированных сообщений по фактам самовольных уходов и фактически в разыскиваемых несовершеннолетних на территории Свердловской области

	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.		8мес. 2019 г.	
Общее число зарегистрированных сообщений	3056		2756		2969		3587		3679		2325	
в розыске находилось (всего)	2034		1869		1818		2008		1929		1351	
(по полу)	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
	867	1167	1038	831	980	838	1164	844	1014	815	536	815

Анализ динамических характеристик количества самовольного оставления несовершеннолетними учреждений государственного воспитания позволяет нам сделать вывод о неустойчивой тенденции таких уходов, в частности, значительное увеличение в принятие заявлений в период с 2016 г. по 2018 г.

Практику увеличения уходов из семей и учреждений государственного воспитания отчасти сформировало принятие Постановле-

ния Правительства Свердловской области от 26.08.2015 № 761 — ПП «О передаче функций и полномочий учредителя в отношении государственных казенных образовательных учреждений Свердловской области для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подведомственных Министерству общего и профессионального образования Свердловской области» с 01.01.2016 — Министерству социальной политики Свердлов-

ской области. Соответственно были и переданы функции и полномочия учредителя указанных учреждений (всего 32 учреждения) в отношении подачи заявлений по фактам уходов воспитанников данных государственных учреждений.

Важным фактором, который поспособствовал росту заявлений в указанные периоды — это интенсификация всех заинтересованных субъектов в выявлении и установлении фактов оставления несовершеннолетними учреждений государственного воспитания, прежде всего это такие субъекты как: школы, органы здравоохранения, подразделений по делам несовершеннолетних, директора государственных учреждений, которые являются законными представителями несовершеннолетних.

В тоже время в Министерстве социальной политики Свердловской области объяснили снижение числа детей-отказников ранним вы-

явлением неблагополучных семей, а также оказанием помощи ждущим малыша матерям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Статистика приводится за последние три года. Так, если в 2015 году родители оставляли 119 детей, то в 2017 число отказников сократилось до 84. На сегодняшний день на 2,7% стало больше семей, в которых воспитываются приемные дети. Более 90% сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываются в семьях⁶.

Вследствие такой ситуации уменьшилось число воспитанников учреждений государственного воспитания, но количество уходов воспитанников увеличилось. Следует констатировать, что порядок и условия проживания в учреждениях государственного воспитания во многом обуславливают уход их воспитанников.

По состоянию на 01.09.2019 в розыске остались 23 подростков (-25,8%; 31).

Таблица 2. Сведения о разыскиваемых несовершеннолетних, из числа ушедших самовольно ушедших из учреждений государственного воспитания на территории Свердловской области

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	8мес. 2019 г.
Разысканы либо самостоятельно вернулись в первые сутки	1772	1925	1968	2351	2509	1679
В течение трех суток	567	462	568	654	604	361
От 4 до 10 суток	548	255	292	394	401	193
свыше 10 суток	182	119.	132	189	169	93

Таблица 3. Статистическая характеристика фактов самовольных уходов несовершеннолетних из семьи и учреждений государственного воспитания на территории Свердловской области

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	8мес. 2019 г.
Уходы из семьи фактов уходов из семьи	1876	1738	1846	1964	2109	1340
Уходы из учреждений государственного воспитания	1082	894	1050	1412	1435	902

Данные представленные в Таблице 3 свидетельствуют о нестабильной тенденции количества фактов уходов из семьи из учреждений государственного воспитания, они демон-

стрируют их корреляционную зависимость от увеличения количества всех принятых заявлений за указанный в таблице период времени. Эта тенденция вполне статистически обосно-

вана и подтверждена раннее указанными факторами, которые повлияли на практику увеличения заявлений об уходах несовершеннолетних.

Проведенный нами анализ показал, что за указанный период каждый четвертый из общего числа разыскиваемых совершал самовольные уходы систематически, то есть два и

более раза (27,8% от общего числа самовольно ушедших).

Статистические данные таблицы свидетельствуют о преимущественном административно-правовом характере противоправной деятельности несовершеннолетних после их уходов из учреждений государственного воспитания, что свойственно для данной возрастной категории.

Таблица 4. Количественная характеристика фактов совершения противоправных деяний несовершеннолетними, находящими в розыске на территории Свердловской области

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	8мес. 2019 г.
Общественно опасные деяния	1	9	14	6	5	5
Административные правонарушения	14	37	53	36	71	47
Преступления	10	25	20	18	7	22

Таблица 5. Факт привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ законных представителей и должностных лиц

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	8мес. 2019 г.
родители	511	-	-	596	663	571
должностных лиц	58	-	-	28	43	9

Таблица 6. Количество несовершеннолетних, ставших жертвами различных посягательств, из числа ушедших

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	8мес. 2019 г.
Жертвы преступлений	-	9	17 (2 погибли)	7	5	4
Погибли в результате несчастных случаев	-	5	10	3	5	3(1 суицид)

Таблица 7. Вынесено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с установлением местонахождения несовершеннолетних (с учетом прошлых лет)

2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	8мес. 2019 г.
3069	2761	2954	3588	3683	2326

Изучение розыскных дел по данной категории, а также материалов об отказе в возбуждении уголовного дела показало, что местонахождение многих детей устанавливалось по

адресу проживания родственников. Преимущественное большинство несовершеннолетних — воспитанников учреждений государственного воспитания, оставляет их неоднократно.

Таблица 8. Количество сообщений о безвестном исчезновении несовершеннолетних, которые ранее уже допускали самовольные уходы

2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	8мес. 2019 г.
-	507	-	570	522	352

Справочная информация:

На территории Свердловской области находятся два специальных учебно-воспитательных учреждения закрытого типа:

Государственное казенное общеобразовательное учреждение Свердловской области «Специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа», подведомственное Министерству образования и молодежной политики Свердловской области. В 2018 году с территории указанного учреждения совершен 1 групповой уход 2 воспитанников. За 8 месяцев 2019 года факты розыска воспитанников не зарегистрированы.

Федеральное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Рефтинское специальное учебно-воспитательное учреждение для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением закрытого типа», подведомственное Министерству просвещения Российской Федерации. За 8 месяцев 2019 года 2 воспитанниками данного учреждения совершен 1 групповой уход в период нахождения на территории базы «Ребячий Хуторок»; по итогам 12 месяцев 2018 года 7 воспитанников СУВУ допустили 6 самовольных уходов (1 групповой).

На территории Свердловской области действуют три волонтерских отряда: «Сокол», «Лиза Алерт», «Прорыв», которые осуществляют взаимодействие с органами внутренних дел в розыске без вести пропавших лиц. С начала 2011 года региональная общественная организация — поисковый отряд «Сокол», организация входит в «Международное Содружество Поиск Пропавших Детей».

Основное направление деятельности поискового отряда «Сокол» — поиск без вести пропавших граждан, приоритетом являются дети. На сайте ГУ МВД России по Свердловской области — www.66.mvd.rf размещена

информация о поисковом отряде «Сокол». С марта 2014 года в г. Екатеринбурге действует поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт», поисковый отряд осуществляет свою деятельность на всей территории Свердловской области. Также с сентября 2017 года на территории г. Екатеринбурга начал действовать поисковый отряд «Прорыв». Основное направление деятельности поискового отряда — поиск без вести пропавших граждан. Поисковый отряд осуществляет свою деятельность на всей территории Свердловской области.

Волонтеры поисковых отрядов своими силами выдвигаются на место пропажи граждан и проводят поисковые мероприятия по обнаружению разыскиваемых, изготавливают и размещают ориентировки в общественных местах, привлекают к поискам добровольцев, ориентируют общественность, что существенно помогает в розыске без вести пропавших. За время существования поисковых отрядов накоплен практический опыт проведения поисковых операций с привлечением добровольцев. В деятельности отрядов участвуют специалисты различного профиля: как кинологи, профессиональные туристы, охотники и водолазы, так и люди, без специальных поисковых навыков, готовые оказать помощь на добровольной основе.

Практически в каждом субъекте Российской Федерации осуществляют деятельность детские государственные учреждения, в которых отмечается наиболее проблемная ситуация, связанная с неоднократными самовольными уходами несовершеннолетних. Следует отметить, что в большинстве случаев самовольные уходы во всех регионах Российской Федерации совершают одни и те же несовершеннолетние. Наиболее значимыми причинами в ряде случаев является не только снижение воспитательной функции учреждений

и слабый контроль за воспитанниками, но и нежелание подростков соблюдать установленный режим дня, ограничение свободы передвижения, желание проживать с родителями, лишены родительских прав, социальные связи, зачастую негативные, по прежнему месту жительства.

Особенностью лиц, самовольно оставившие семьи и детские государственные учреждения на территории Свердловской области является присутствие у несовершеннолетних различных психологических заболеваний и эмоциональных расстройств, также лица с психическими отклонениями, в том числе имеющие диагноз «дромомания». Подростковый возраст характеризуется также периодом начала многих психических заболеваний, что продуцирует во многих случаях их уходы.

Анализируя проблемы самовольного оставления несовершеннолетними учреждений государственного воспитания отметим, что продолжается тенденция увеличения их количественных параметров в целом на территории Свердловской области, несмотря на их сокращения в отдельные периоды.

Основными обстоятельствами, формирующими мотив к оставлению несовершеннолетним детского государственного учреждения, продолжают оставаться — желание жить с родителями и другими родственниками, а также нежелание находиться в конкретном детском учреждении.

---

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01.01.2019. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar в ЕМИСС Государственная статистика. URL. <https://fedstat.ru/indicator>

³ Шахов А. Количество сирот в Екатеринбурге и области. 12 ноября 2018 г. www.the-village.ru

⁴ Выступление губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева 7.03.2019 г. на заседании Правительства Свердловской области.

⁵ НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ... Больше всего несовершеннолетних пропадает в Московской и Свердловской областях 24.09.2019 г. www.obchestvo24.ru

⁶ Количество детей, от которых отказались родители, уменьшилось на 30% в Свердловской области. 19 июня 2018 // www.ural.kp.ru

Philosophy in the Context of Modern Civilizational Development of Russia Review

Философия в контексте современного цивилизационного развития России

Dmitry Vladimirovich SHIKUNOV,
candidate of political science, associate Professor Deputy head
of the Department sociology and political science Moscow
University of the MIA of Russia named after V.J. Kikott
E-mail: office@unity-dana.ru

Дмитрий Владимирович ШИКУНОВ,
кандидат политических наук, доцент заместитель
начальника кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Рецензия: Бельский В.Ю. Золкин А.Л. Философия: учебник для студентов вузов. Часть 1. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. 2018. 325 с¹.

Рецензия: Бельский В.Ю. Золкин А.Л. Философия: учебник для студентов вузов. Часть 2. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. 2018. 311 с²

Для цитирования: Д.В. ШИКУНОВ. Философия в контексте современного цивилизационного развития России. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 39—40.

Annotation. The review considers the textbook on philosophy by V. Belsky and A. Zolkin. The content of the textbook, peculiarities of interpretation of the main philosophical problems, methodological aspects of the presented work are analyzed.

Key words: philosophy, Eurasianism, civilization, multipolar world

Аннотация. В рецензии рассматривается учебник по философии В.Ю. Бельского и А.Л. Золкина. Анализируется содержание учебника, особенности интерпретации основных философских проблем, методические аспекты представленной работы.

Ключевые философия, евразийство, цивилизация, многополярный мир

Учебник В.Ю. Бельского и А.Л. Золкина «Философия» подготовлен в соответствии с основными установками цивилизационного подхода. Главная методологическая доминанта авторов — осмысление Российской цивилизации, ее прошлого, настоящего и будущего в контексте евразийского понимания развития мировой культуры и формирования многополярного мира.

Основные идеи, определяющие содержание данного учебника, ранее были представлены в монографиях с участием авторов «Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия»³ и «Цивилизация и модернизация: история и современность»⁴.

Благодаря использованию новых научных результатов, авторам удалось преодолеть смысловую инерцию, присущую многим современным учебным изданиям по философии, эк-

лектично объединяющих на своих страницах руинированные представления диаматовско-истматовской догматики с либеральной риторикой и реверансами в сторону русской консервативной мысли.

У читателя учебника В.Ю. Бельского и А.Л. Золкина формируется отчетливое понимание всех стандартных разделов философии от онтологии и гносеологии до философской антропологии и социальной философии как когнитивных стратегий возрождения, сохранения и развития Российской цивилизации и формирования интеллектуальной субъектности российского гражданина и общества в целом.

Авторы связывают цивилизационный подход к философским проблемам с общей стратегией постнеклассической науки: нелинейностью развития самоорганизующихся синергетических систем и глобальным эволюционизмом. Идея научности является важнейшим

элементом доктрины учебника, которая ориентируют читателя на осмысление постнеклассической картины мира как новых координат понимания реальности как таковой.

Формирование системного мировоззрения является одной из основных целей учебника. Для методологического обеспечения решения этой задачи, авторы обосновывают концепцию системной диалектики как способа философского исследования в условиях перехода к постнеклассической науке.

Сама концепция системности, предлагаемая в качестве формообразующей в новой диалектике, требует отражения в ней механизма системодействия сложных объектов. Такая концепция диалектики призвана синтезировать структурный и динамический аспекты реальности не только с точки зрения их взаимосвязи, но и с учетом диалектической противоречивости объекта исследования, поскольку мир представляет собой не столько системное знание со строгой архитектурой, сколько арену взаимодействия системных образований, в том числе находящихся на различных уровнях организации.

Идея многополярного мира также получила содержательное воплощение на страницах учебника. Представляется вполне оправданным, что В.Ю. Бельский и А.Л. Золкин делают акцент на гуманистической, мировоззренческой и методологической сущности многополярности. Включение этических ценностей в процесс выбора стратегий цивилизационного развития рассматривается в качестве необходимого элемента развития национального философского дискурса как такового.

Авторы рассматривают философию как необходимое условие воспроизводства российской культуры в целом в контексте формирования системного и гуманистического мировоззрения, соответствующего задачам современной эпохи. В.Ю. Бельский и А.Л. Золкин формулируют идею культурного этоса российской цивилизации, рассматривают его роль в современном мире в связи с переосмыслением традиционных и появлением новых этических проблем. В основе культурного этоса России лежит система ценностей христианской традиции как культурной стратегии формирования личности.

Российская культурная традиция ставит своей целью воспитание личности, а не изоли-

рованной индивидуальности. Человек же приобретает личностные качества не через изоляцию от реальности во имя абстрактной свободы, а через восхождение и приобщение ко всем уровням реальности, включая сверхиндивидуальные целостности, такие как семья, общество, государство, цивилизация, культура.

Личность, обладающая способностью суждения в вопросах социальной, в том числе и цивилизационной, идентичности рассматривается авторами как перспектива и цель образовательной деятельности. Большое внимание авторы уделяют принципу субъектности, на основе которого анализируется понятие конструктивного самоутверждения как гуманистической стратегии личности. При рассмотрении проблемы позитивных и негативных механизмов личностного самоутверждения анализируется понятие деструктивного самоутверждения и раскрывается значение современных гуманитарных технологий для современной культуры.

Учебник предназначен в первую очередь для образовательного процесса в вузах системы МВД России, поэтому значительное внимание уделено выявлению практического значения философии в подготовке кадров сотрудников ОВД и в обеспечении мировоззренческой и методологической направленности их деятельности. Учебник ориентирует обучающихся на применение знаний и методов философии при решении профессиональных задач, а также пониманию социальной значимости своей будущей профессии. Однако сфера использования данного учебника не ограничена исключительно указанной аудиторией. Учебник В.Ю. Бельского и А.Л. Золкина будет интересен всем, кто интересуется философией, стремится выработать способность к самостоятельному мышлению.

---

¹ Бельский В.Ю. Золкин А.Л. Философия: учебник для студентов вузов. Часть 1. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. 2018. 325 с.

² Бельский В.Ю. Золкин А.Л. Философия: учебник для студентов вузов. Часть 2. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. 2018. 311 с.

³ Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия: Коллективная монография / Под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2018. 320 с.

⁴ Цивилизация и модернизация: история и современность/ Коллективная монография/ под ред. проф. В.Ю. Бельского, проф. Е.А. Когай. М., 2019. 365 с.

**Russian Constitutionalism:
Theoretical Projects and Historical Realities
Part 1: Problem Statement**

**Российский конституционализм:
теоретические проекты и исторические реалии
Часть 1: Постановка проблемы**

Подготовили к публикации (сост. и ред.):

В.Ю. Бельский, П.П. Марченя, С.Ю. Разин

Sergey Vasilievich AVDEEV,
Central Research Institute of Machine Building
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Mikhail Borisovich AVERIN,
All-Russian State University of Justice
E-mail: averin.mb@yandex.ru

Vladimir Valentinovich BABASHKIN,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Vitaly Yuryevich BELSKY,
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Vladimir Prokhorovich BULDAKOV,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
E-mail: kuroneko@list.ru

Vadim Alexandrovich DEMIN,
Institute of Russian History, RAS
E-mail: vadime_demine@mail.ru

Andrey Dmitrievich ZHILKIN,
Constitutional Reform Fund
E-mail: zhilkin@rfor.ru

Andrey L'vovich. ZOLKIN,
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: az20042004@mail.ru

Mikhail Alexandrovich KRASNOV,
Higher School of Economics
E-mail: krasnov.makmak@yandex.ru

Grigory Nikolaevich LANSKOY,
Russian State University for the Humanities
E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Vladimir Anatolyevich LEPEKHIN,
EAEU Institute
E-mail: vlepehin2015@yandex.ru

Pavel Petrovich MARCHENYA,
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: marchenyap@gmail.com

Andrey Nikolaevich MEDUSHEVSKY,
Higher School of Economics

Prepared for publication (comp. and ed.):

V.Yu. Belsky, P.P. Marchenya, S.Yu. Razin

Сергей Васильевич АВДЕЕВ,
Центральный научно-исследовательский институт
машиностроения
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Михаил Борисович АВЕРИН,
Всероссийский государственный университет юстиции
E-mail: averin.mb@yandex.ru

Владимир Валентинович БАБАШКИН,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Виталий Юрьевич БЕЛЬСКИЙ,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Владимир Прохорович БУЛДАКОВ,
Институт российской истории РАН
E-mail: kuroneko@list.ru

Вадим Александрович ДЕМИН,
Институт российской истории РАН
E-mail: vadime_demine@mail.ru

Андрей Дмитриевич ЖИЛКИН,
Фонд конституционных реформ
E-mail: zhilkin@rfor.ru

Андрей Львович ЗОЛКИН,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: az20042004@mail.ru

Михаил Александрович КРАСНОВ,
Высшая школа экономики
E-mail: krasnov.makmak@yandex.ru

Григорий Николаевич ЛАНСКОЙ,
Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Владимир Анатолийевич Лепехин,
Институт ЕАЭС
E-mail: vlepehin2015@yandex.ru

Павел Петрович МАРЧЕНЯ,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Андрей Николаевич МЕДУШЕВСКИЙ,
Высшая школа экономики
E-mail: amedushevsky@mail.ru

E-mail: amedushevsky@mail.ru

Valery Borisovich PERKHAVKO,
Institute of Russian History, RAS
E-mail: perkhavko@gmail.com

Sergey Yurievich RAZIN,
Metropolitan College of Business
E-mail: razin_sergei@mail.ru

Victor Leonidovich SHEINIS,
Institute of World Economy and International Relations, RAS
E-mail: sheynis31@gmail.com

Alexander Vladlenovich SHUBIN,
Institute of World History, RAS
E-mail: historian905@gmail.com

Валерий Борисович ПЕРХАВКО,
Институт российской истории РАН
E-mail: perkhavko@gmail.com

Сергей Юрьевич РАЗИН,
Столичный бизнес-колледж
E-mail: razin_sergei@mail.ru

Виктор Леонидович ШЕЙНИС,
Институт мировой экономики и международных
отношений РАН
E-mail: sheynis31@gmail.com

Александр Владленович ШУБИН,
Институт всеобщей истории РАН
E-mail: historian905@gmail.com

Для цитирования: Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии Часть 1: Постановка проблемы. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 41—49.

Annotation. In December 2018, an interdepartmental Round Table "Russian Constitutionalism: Theoretical Projects and Historical Realities" was held at the Russian State University for the Humanities. The focus of the participants in the interdisciplinary discussion, which was attended by 17 Russian scientists (historians, lawyers, philosophers, political scientists, etc.), was the problem of understanding the place and role of constitutionalism and parliamentarism as factors of particular importance in the context of systemic crises of Russian history.

Key words: Constitution, constitutionalism, constitutional reform, parliament, parliamentarism, State Duma, revolution, power, mass consciousness

Аннотация. В декабре 2018 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялся межведомственный круглый стол «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии». В центре внимания участников междисциплинарной дискуссии, в которой приняли участие 17 российских ученых (историков, юристов, философов, политологов и др.), находились проблемы осмысления места и роли конституционализма и парламентаризма как факторов, имеющих особое значение в контексте системных кризисов отечественной истории.

Ключевые Конституция, конституционализм, конституционная реформа, парламент, парламентаризм, Государственная дума, революция, власть, массовое сознание

---

14 декабря 2018 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) состоялся межведомственный круглый стол «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии».

Организаторами Стола выступили Российское общество историков-архивистов (РОИА), РГГУ и научный проект «Народ и власть».

В качестве примерной проблематики к обсуждению участникам Стола его организаторами были предложены следующие темы:

– *Конституционализм в контексте столкновения Традиции и Модерна;*

– *Соотношение «самобытного» и «заемного» в российском конституционализме и парламентаризме;*

– *Царь и Конституция в зеркале массового сознания;*

– *Смуты и революции как факторы истории отечественного конституционализма;*

– *Отечественные конституции и конкретно-исторические политико-правовые реалии;*

– *Самодержавная, советская и постсоветская модели государства и общества в теории и практике конституционализма*

В дискуссии участвовали (сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения круглого стола, участники перечислены в алфавитном порядке):

1. Герой Российской Федерации, летчик-космонавт Российской Федерации, кандидат физико-математических наук, заместитель начальника отделения — начальник отдела Центра системного проектирования Центрального научно-исследовательского института машиностроения (Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос») **Сергей Васильевич Авдеев** (Москва);

2. кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры

теории и истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции **Михаил Борисович Аверин** (Москва);

3. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Владимир Валентинович Бабашкин** (Москва);

4. доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **Виталий Юрьевич Бельский** (Москва);

5. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН **Владимир Прохорович Булдаков** (Москва);

6. доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН **Вадим Александрович Дёмин** (Москва);

7. ответственный секретарь Фонда конституционных реформ **Андрей Дмитриевич Жилкин** (Москва);

8. доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **Андрей Львович Золкин** (Москва);

9. доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Высшей школы экономики, вице-президент Фонда прикладных политических исследований «ИНДЕМ» **Михаил Александрович Краснов** (Москва);

10. доктор исторических наук, доцент, первый заместитель председателя Правления Центрального совета РОИА, декан факультета документоведения и технотронных архивов Историко-архивного института РГГУ **Григорий Николаевич Ланской** (Москва);

11. кандидат философских наук, генеральный директор Института ЕАЭС **Владимир Анатольевич Лепехин** (Москва);

12. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя** (Москва);

13. доктор философских наук, профессор, ординарный профессор департамента политических наук факультета социальных наук Высшей школы экономики **Андрей Николаевич Медушевский** (Москва);

14. кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН **Валерий Борисович Перхавко** (Москва);

15. автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин** (Москва);

16. доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН **Виктор Леонидович Шейнис** (Москва);

17. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института РГГУ **Александр Владленович Шубин** (Москва).

Предлагаем вашему вниманию первую часть материалов дискуссии, состоявшейся в ходе круглого стола «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии». В качестве препринта электронная версия записи дискуссий Стола была представлена в Сети Соционет ЦЭМИ РАН (<http://users4496447.socionet.ru/files/Constitutionalism.pdf>), *в печатном издании материалы публикуются впервые.*

***

Г.Н. Ланской. Добрый день, уважаемые коллеги! Очень приятно вас видеть в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета, где мы проводим сегодня межведомственный круглый стол под названием «Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии».

Мы решили посвятить этот круглый стол двум датам: первая дата — это, соответственно, 25-летие принятия действующей в настоящее время Конституции Российской Федерации, а вторая дата — это 100-летие первой нашей Конституции, Конституции РСФСР, которая была принята после создания Советского государства. Ну и отчасти символично, что сегодня 14 декабря — день, когда одна из частей

декабристской оппозиции как раз выступила под флагом принятия Конституции. Это было, как известно, «Северное общество». Поэтому 14 декабря — это тоже дата такая достаточно символическая.

Задача нашего сегодняшнего круглого стола, его идея заключается в том, чтобы рассмотреть, насколько в действующей Конституции и в тех конституционных проектах, которые принимались ранее, сочетались традиционные черты, которые характерны для российской государственности, те, что связаны с определенным автократизмом, — и черты модерна, которые связаны с идеями либерально-демократических свобод. Вот это первый вопрос. Поэтому понятия традиции и модерна рассматриваются именно так, что традиции ассоциируются с автократией, с достаточно жесткой социальной стратификацией, а то, что касается модерна — то это ассоциируется с демократическими свободами, с конституционализмом.

Вторая проблема — это проблема, которая связана с тем, насколько в российском конституционализме и парламентаризме, который был в чем-то источником конституционализма, а в чем-то был его инструментом, сочетались самобытные российские традиции, интересы российской политической элиты и общества, и в чем-то заимствованные элементы. И здесь, конечно, более широкие проблемы также ставятся, которые связаны с отношением России и Запада, то есть то, что существует и существовало еще задолго до появления конституционализма.

Третий момент, который мы сегодня предлагаем обсудить, — это момент, который связан с элементами самодержавных тенденций в развитии политической жизни в нашей стране. Здесь важно обсудить институт главы государства в нашей стране и посмотреть, как он проявляется в свете конституционализма. Это важно, потому что, исходя из этого, существуют серьезные дискуссии, достаточно основательные, какая у нас сегодня республика — президентская или парламентская (она вряд ли, конечно, парламентская), но вот как это все проявляется...

В этом плане, конечно, мы, может быть, обсудим момент, связанный с двумя проектами, которые на самом деле были. Первый

проект был опубликован в мае 1993 г. Потом были известные трансформации, которые связаны с событиями второй половины сентября — начала октября 1993 г., и мы увидели совершенно другой проект Конституции. Многие из присутствующих были участниками этого процесса, и наверняка здесь им есть что в этом плане сказать.

Следующий сюжет связан с тем, как конституционализм в России был подвержен явлениям Смуты, стихийных выступлений (а, может быть, и не стихийных, а во многих случаях организованных) и, соответственно, какова была роль этих социальных волнений в принятии конституционных проектов. Здесь, конечно, можно рассмотреть и совсем ближние сюжеты, которые были связаны с политическим кризисом 21 сентября — 3 октября 1993 г., можно и более широкий захватить дискурс, и с этой точки зрения рассмотреть эти вопросы.

Ну и, наконец, речь идет о развитии конституционного проекта как преемственного продукта общественно-политической жизни на протяжении трех эпох: эпохи самодержавия, советской эпохи и эпохи постсоветской. И здесь эта вот преемственность, ее воздействие на теорию и практику конституционализма, как со стороны правящего класса, так и со стороны оппозиции — это сюжет бескрайний, с точки зрения его обсуждения, потому что можно рассматривать его едва ли не со времен Александра I, со времен обсуждения и принятия Конституции Царства Польского и дальше 200 лет в этом плане прошло. Здесь тоже есть о чем поговорить...

Вот, собственно говоря, такое понимание мы вкладывали в эту проблематику. Разумеется, здесь мы можем и более широкий контекст захватить. Я думаю, что наше обсуждение этих вопросов в рамках сегодняшнего круглого стола будет интересным и плодотворным.

С.Ю. Разин. Добрый день, уважаемые коллеги! Мы рады приветствовать вас на круглом столе. Рады приветствовать и тех, кто является постоянными участниками наших мероприятий, и тех, кто пришел к нам впервые. Мы рады и тому, что здесь представлены люди разных поколений.

Тема круглого стола, на мой взгляд, включает в себя два больших пласта: теоретический и конкретно-исторический.

Если говорить о теоретическом пласте темы, то надо сказать о том, что она является частью широкой историософской и политико-правовой проблематики, включающей в себя вопросы, связанные с определением типа российского общества (в какой мере оно остается традиционным, крестьянским обществом, в какой мере оно является модернизированным, урбанизированным обществом), роли права и массового правосознания в развитии России, значения феномена правого дуализма в отечественной истории и возможности или невозможности построения так называемого «правового государства» и «гражданского общества» в нашей стране.

Если говорить о конкретно-историческом аспекте темы Стола, то он включает в себя анализ конституций в контексте отечественной истории и поиск ответов на вопросы о том, почему они были приняты, и каково было их реальное историческое значение.

П.П. Марченя. Уважаемые коллеги, я тоже, традиционно уже, рад приветствовать и тех, кто не первый раз на мероприятиях нашего проекта, и тех, кто впервые... Очень хорошо, что появляются новые лица — и что «старые» не пропадают. И что за «столами» собираются компетентные ученые разных убеждений, с разными теоретическими и практическими позициями, — и есть о чем поспорить.

Этот круглый стол у нашего проекта уже семнадцатый по счету — и первый раз Стол мы делаем совсем без всякого международного участия. В нем принимают участие только свои, отечественные... Это, наверное, и хорошо, потому что проблема, которую мы обсуждаем, — это, действительно, наша внутренняя проблема. Я не буду об этом долго говорить, но, если Григорий Николаевич [Ланской] не обидится, то приоткрою немного «кухню». Сначала мы хотели назвать этот стол «Российский конституционализм: мифы и реалии», но у руководства возникли сомнения насчет употребления слова «мифы». Вроде бы как в нашей сегодняшней России конституционализм уже нельзя рассматривать как «миф», а только как «реалию». Поэтому подзаголовок названия

Стола «Российский конституционализм...» был несколько преобразован — не «...мифы и реалии», а «...теоретические проекты и исторические реалии»...

Но, действительно, не ради провокации, а просто как наша боль и подлинная, не надуманная проблема (в том числе научная проблема)... Я думаю, что все присутствующие согласятся (хоть здесь действительно собрались сегодня люди очень разных взглядов), что никогда в отечественной истории, в истории взаимодействия власти и общества в России, Конституция не была главным актором политической и правовой жизни, никогда власть и общество не ориентировались, в первую очередь, именно на конституционализм, на парламентаризм. В общем-то, из этого и вытекает проблематика круглого стола, которой мы просим придерживаться.

С.Ю. Разин. Я хочу еще несколько дополнить то, что говорил Григорий Николаевич [Ланской] по поводу юбилеев.

У нас как-то стесняются говорить о советском конституционализме. Например, никто не вспомнил о том, что в 2016 г. было 80-летие Конституции СССР 1936 г. Если продолжать этот юбилейный ряд, то, конечно, нельзя не упомянуть 100-летие Великой российской революции, без которой, на мой взгляд, появление Конституции было бы невозможным. В этом году мы отмечаем и еще один юбилей — 40-летие Конституции РСФСР 1978 г. В свою очередь, в следующем, 2019 г. исполнится 95 лет с момента принятия Конституции СССР 1924 г.

Я хочу сказать, что в соответствии с предварительной договоренностью, дискуссию должен был открывать еще один из авторов современной российской Конституции — это тогдашний народный депутат РСФСР, член Верховного Совета РСФСР, ответственный секретарь Конституционной комиссии Олег Германович Румянцев, который сегодня является президентом Фонда конституционных реформ. Но, к сожалению, он приболел и не смог принять очное участие в нашем круглом столе. Здесь присутствует его помощник — ответст-

венный секретарь Фонда конституционных реформ А.Д. Жилкин. Ему предоставляется слово.

А.Д. Жилкин. Конечно, сама по себе дискуссия, которая ведется по поводу конституционализма и традиции и перспектив его развития, очень важна. Сам Олег Германович [Румянцев] старается выступать на разных площадках, для того чтобы представить свое видение этого процесса, и для того чтобы услышать разные мнения, которые высказываются представителями разных политических сил. У него в ноябре этого года вышло третье издание его книги «Конституция 1993 года. История явления». Я привез два экземпляра книги, которые хочу передать в дар библиотеке и руководству РГГУ.

Здесь автор излагает свое видение как непосредственный участник процесса создания Конституции от самого начала, от создания Конституционной комиссии на I Съезде народных депутатов РСФСР в 1990 г. и вплоть до окончания этого процесса и принятия Конституции в декабре 1993 г. Поскольку он является участником этих событий, то он отражает все их этапы. Есть, понятно, как у любого автора, свой субъективный взгляд, но, тем не менее, это попытка дать оценку разностороннюю, с учетом разных мнений, и одновременно остаться беспристрастным.

Так что эти книги я передаю в дар РГГУ...

В.Л. Шейнис. Я рад буду высказать некоторые соображения. Прошу прощения за то, что я не собираюсь строго придерживаться данного плана дискуссии, но, так или иначе, в моем выступлении будут затронуты, главным образом, дискуссионные вопросы, связанные с появлением нашей Конституции, и отношение между Конституцией и политико-правовой реальностью сегодняшнего дня.

Здесь уже несколько человек в своих выступлениях упомянули юбилей. Я думаю, что если бы не юбилейная дата, если бы не сравнительно круглый или полукруглый юбилей, то мы едва ли бы собрались обсуждать проблемы нашей Конституции.

Юбилей бывают разные: бывают юбилей торжественные, бывают юбилей рабочие

(наиболее, на мой взгляд, плодотворно реализуемые в ходе дискуссий и обсуждений), бывают юбилей ритуальные и, наконец, бывают юбилей не очень внятные.

С моей точки зрения, мы отмечаем юбилей по-разному. Все официальные лица, наши политические лидеры отмечают данный юбилей как ритуальный. У них много других дел, у них связка с Конституцией может быть протянута от любого вопроса, но ритуальный юбилей — юбилей, который отмечается как большая дата, отмечается вежливым, почтительным поклоном, и затем у людей, занятых политической работой, возникает необходимость перейти к текущим делам.

На мой взгляд, общество, академическая среда, в частности участники создания Конституции, в значительной мере, должны будут признать, что это сравнительно невнятный юбилей, потому что непонятно, сколько и чего тут от праздника, сколько и чего тут от тех проблем, которые стоят сегодня перед нашим обществом.

Вообще, наша Конституция — документ исключительно сложный и противоречивый, создававшийся на гребне политического подъема, в который втянулись разные силы, и эту Конституцию участники процесса видели по-разному. Я позволю себе напомнить... Собирается I Съезд народных депутатов России, собирается, прежде всего, продолжатель союзного Съезда, который привлек всеобщее внимание, и среди прочих дел каким-то «энным» пунктом повестки дня обозначается создание Конституции. Если надо создавать Конституцию, то должны быть люди, которые этим будут заниматься. То есть, иными словами, нужна Конституционная комиссия.

Но на Съезде только что отгремели бои за главный пост — пост Председателя Верховного Совета, который, номинально, должен в основном представлять собой роль спикера — организатора дискуссии, а фактически к этому посту люди относятся как к президентскому посту, хотя Президентом никто еще не называет данное лицо. Идет ожесточенная схватка. В результате трех туров голосования с пере-

весом в четыре голоса избирается кандидат, за которого выступали, в том числе, и российские демократы.

Сегодня значительная часть участников дискуссии утверждают, что Конституцию России писали российские демократы, «Демократическая Россия», которая создавала ее по образцам западных стран. Я должен сторонников этой точки зрения огорчить. Во-первых, действительно, в создании Конституции приняли участие российские демократы, но, во всяком случае, в конце, на текст Конституции решающее влияние оказывали иные силы. Кроме того, Конституция была поставлена на всенародное обсуждение... Вопрос о том, будет принята или не будет принята та Конституция, которая была предложена общественному вниманию, оставался до последнего момента открытым.

Я думаю, что вообще конституции лучше создавать в спокойное время. Обычно должителями являются конституции, которые принимаются при сравнительно спокойном, неконфликтном политическом процессе. С нашей Конституцией, как вы знаете, не так. Всенародному голосованию 12 декабря предшествовали, слава Богу, затушенные, угли гражданской войны. Иначе говоря, с этим текстом Конституции были согласны далеко не все участники политического процесса.

Надо сказать, что Конституционная комиссия, которую избрал I Съезд народных депутатов России, была абсолютно не приспособлена к тому, чтобы создавать сложный юридический документ. Хотя бы по своей численности — 101 человек. Я не знаю случая, когда бы сто человек принимали более или менее активное участие в создании такого ответственного и сложного текста. Но дело не только в численности. Дело в том, что Съезд к этому моменту был уже глубоко расколот. Это сказалось в голосовании за пост Председателя, это сказалось в формировании Конституционной комиссии. В нее вошли представители разных политических течений.

Практически, вопрос был каким-то образом отрегулирован. Борис Николаевич [Ельцин],

как председатель по статусу Конституционной комиссии, предложил создать рабочую группу, которая непосредственно занималась работой над текстом. Рабочая группа была создана в основном из депутатов определенного политического уклона. Но, надо сказать, что первые противоречия (это важно, для того чтобы понять основной узел противоречий, который и сегодня отличает конституционный текст) появились сразу... Уже в рабочих группах наметились два подхода. И, кстати сказать, это было отражено в первом проекте Конституции в виде двух разных вариантов — вариант «А» и вариант «Б». Вариант «А» назывался «Президент — глава исполнительной власти», а вариант «Б» назывался «Правительство, формируемое парламентом». То есть вот то противоречие, которое нет-нет да и всплывает сегодня (хотя люди при власти стараются затушить это противоречие), сказалось уже в самом начале. Я должен признать, что, к сожалению, вариант «Б» был с самого начала отвергнут и дальнейшая работа шла только вокруг варианта «А».

Я не буду долго задерживаться на этом, хочу только остановиться на следующем: когда Конституция была сверстана, напечатана и предъявлена избирателям, проблема заключалась в том, что она собой представляет. Тогда споры вокруг Конституции велись гораздо более живые и острые, чем сегодня. Сегодня они притушены.

Но реальность заключалась в том: будет ли это компромиссным документом? Конституция, принятая в декабре 1993 г., компромиссным документом не является. Ее называли «Конституцией победителей». Была ли она конституцией победителей? Ну, в известной мере, это так. Потому что Ельцин и те силы, которые тогда шли за ним, в общем, были сторонниками утверждения Конституции. Но конкретное человеческое и, можно так сказать, юридическое наполнение того актора, который может считаться победителем, существенно менялось — и оно изменилось от 1993 г. к концу 1990-х гг.

Победитель был другой. Власть, которая была сконцентрирована в руках Президента

и которой Борис Николаевич пользовался сравнительно осторожно... Ельцин, в общем, был человеком своего времени, своего слоя, своего класса, но, тем не менее, был воспитан в ходе политической борьбы, и для него существовали запреты — некоторые запреты, которые не существуют для тех людей, что унаследовали президентскую власть. Поэтому при одной и той же Конституции мы имели режим Бориса Ельцина, мы имели режим его преемника. Причем этот режим менялся от начала к сегодняшнему дню.

В те времена считалось, что мы переходим от коммунистического режима, достаточно авторитарного или, может быть, точнее сказать, от разлагающегося тоталитаризма не к демократии, а к другой форме авторитаризма. Что собой представляет этот авторитаризм, насколько он устойчив, насколько он отвечает интересам общественного развития? Это еще один дискуссионный вопрос.

Я должен сказать, что на вопрос о том, какова же наша Конституция... Я вижу в ней два континуума, два разных пласта. Один континуум — это первая и вторая главы Конституции. Создателям Конституции не должно быть стыдно по поводу этих глав. Они могли бы украсить конституционный строй любого современного государства. Строго говоря, и там можно было бы внести некоторые поправки, но надо быть по отношению к этим главам осторожным. Это основы конституционного строя, это права и свободы человека и гражданина, которые сформулированы на уровне представлений того времени, и сохраняют значение сегодня.

К сожалению, эти положения и сегодня носят достаточно декларативный характер, и реалии нашего конституционного текста — это главы, начиная с третьей, как раз и фиксируют вертикаль власти, которая нигде не названа в Конституции, которая промелькнула в ходе общественных дискуссий, — и которая находится в кричащем противоречии с разделением властей, тоже сформулированным в нашей Конституции.

В реальности мы имеем не просто исполнительную власть, а президентскую власть.

Ее часто называют «сверхпрезидентской», но я бы лучше сказал, что это «недопарламентская» конституция, потому что парламент имеет чрезвычайно ограниченные возможности оказывать влияние на жизнь страны, и это «недосудебная» конституция, потому что мы не имеем суда как независимого института. Последний пример — «дело Пономарева». Оно всем известно. Вот это реалии нашей Конституции.

Ну и последний вопрос, который я поставлю следующим образом: что делать с Конституцией? Есть точка зрения, что Конституцию надо переписать, дать новую Конституцию. Есть другая, более приближенная к реальности, точка зрения, с которой недавно выступил председатель Конституционного Суда, опубликовавший статью «Дух и буква Конституции», в которой он говорит, что Конституцию в целом трогать не надо, а надо ограничиться отдельными поправками. Какими поправками — это отдельный вопрос, на котором я не буду останавливаться. Я только скажу, что, с моей точки зрения, при данных политических условиях Конституцию лучше не трогать. Мы сейчас имеем в высшей степени несовершенный текст, но если заняться реформой Конституции, то мы откроем ящик Пандоры, из которого сразу выпрыгнут разного рода предложения, которые в корне исказят нашу Конституцию. Поэтому очень хорошо, что нет Закона о Конституционном собрании, которое только и может провести полную ревизию Конституции.

А что же нужно? Я думаю, что нельзя начинать с середины. Мы воспользовались юбилеем для дискуссии о Конституции. Это право тех, кто подошел к вопросу таким образом. Но вопрос нельзя начинать решать с середины. Конституция не является детерминантой реальной жизни. Наша реальная жизнь определяется политическим режимом, политическим строем. Для того чтобы подготовить условия, при которых можно будет принять демократическую конституцию, то есть провести реальную ревизию с третьей по восьмую глав Конституции, необходимо провести политическую реформу. Но это еще

один спорный, дискуссионный и очень интересный вопрос.

В.Б. Перхавко. Я только что ознакомился с третьим изданием книги ответственного секретаря Конституционной комиссии Олега Румянцева, а до этого не раз брал в руки работы Сергея Шахрая. У нас получается, что Конституция 1993 г. создавалась как бы на пустом месте — с чистого листа. Но мы, как историки, знаем, что российский конституционализм зародился задолго до 1993 г. и до бурных революционных событий 1917 г. В период Второй русской смуты активно работала юридическая комиссия. Был практически подготовлен проект Конституции для утверждения Учредительным собранием. Вот члены вашей Комиссии использовали какие-нибудь наработки своих предшественников 1917 г. или нет?

С.Ю. Разин. Я добавлю, что в свое время Ю.С. Пивоваров говорил о том, что Конституция 1993 г. как будто написана по проектам М.М. Сперанского...

В.Л. Шейнис. Нет, это неточно. Я с величайшим уважением отношусь к Юрию Сергеевичу [Пивоварову], к его постановкам. Мне довелось, в том числе и печатно, обсуждать его последнюю книгу, которая представляет собой значительный документ.

Но я думаю, что это не совсем так. У Конституционной комиссии была очень мощная экспертная группа. Руководителем экспертной группы был уже упомянутый здесь В.Д. Зорькин. Целый ряд других светил тогдашней юридической науки участвовали в подготовке проекта.

Естественно, что мы знакомимся с теми наработками, о которых вы говорите. Но основным источником были конституции тех государств, которые существовали в мире. Часто мне приходилось слышать высказывания такого рода, что она списана с американской конституции. Это неправда. Достаточно положить рядом два текста для того, чтобы убедиться, что между ними очень мало общего. Хотя американская конституция, написанная двести лет тому назад, естественно, кажется не вполне современной.

Мы изучили индийскую конституцию, мы изучили европейские конституции — и вот то, как решается вопрос в современных конституциях, был, если хотите, своего рода канвой, вокруг которой шли дискуссии. Но главным образом дискуссионные вопросы касались не того, каким образом решали вопрос индийские, или американские, или французские юристы, а как нам соотнести власть Президента и власть парламента, федерализм и необходимость сохранения единства страны. То есть стояли ключевые вопросы нашей тогдашней реальности...

Подготовили к публикации (сост. и ред.):
В.Ю. Бельский, П.П. Марченя, С.Ю. Разин

(Продолжение следует)

Creativity and Forms of Its Manifestation in the Conditions of Globalization

Творчество и формы его проявления в условиях глобализации

Daria Nikolaevna BOROVINSKAYA,
Ph.D in philosophy, docent of the Department of social
and humanitarian education of Surgut State Pedagogical
University
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Дарья Николаевна БОРОВИНСКАЯ,
Кандидат философских наук, доцент кафедры
социально-гуманитарного образования Сургутского
государственного педагогического университета
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Для цитирования: Д.Н. БОРОВИНСКАЯ. Творчество и формы его проявления в условиях глобализации. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 50—53.

Annotation. The article analyzes the trends of convergence of societies in the context of globalization. Emphasizes the cooperation of States and social organizations in the political, economic, cultural and other fields. Draws attention to the fact that the economy is a dynamic system, based mainly on the need and the need to improve the competitiveness of various enterprises in the market, where the main capital, from an economic point of view, are specialists with developed creative thinking.

Key words: creativity, globalization, creative thinking, information technologies, goods, economy, cultural industries, creative industries, production

Аннотация. В статье анализируются тенденции конвергенции обществ в условиях глобализации. Подчеркивает сотрудничество государств и общественных организаций в политической, экономической, культурной и других областях. Обращает на себя внимание тот факт, что экономика представляет собой динамичную систему, основанную главным образом на необходимости и необходимости повышения конкурентоспособности различных предприятий на рынке, где основным капиталом, с экономической точки зрения, являются специалисты с развитым креативным мышлением.

Ключевые слова: креативность, глобализация, креативное мышление, информационные технологии, товары, экономика, индустрия культуры, креативные индустрии, производство

Modern globalization has several main vectors of its manifestation and relies on the cooperation of States and social organizations in the political, economic, cultural and other fields.

The economic sphere is a dynamic system in which the processes of formation of conglomerates, alliances, the creation of various partnerships have been developed. The increase in the number of large private sector enterprises makes it necessary to increase competitiveness in the market, where the main capital, from an economic point of view, are specialists with developed creative thinking.

Information technology is increasingly pervasive. This contributes to more efficient markets by simplifying and expanding access to information, so that vast amounts of knowledge can be

stored, transferred and made available to people. The innovation process is accelerated, making it easier and cheaper to process huge amounts of information and reducing the time required to develop new products. The active use of information technology increases the demand for multi-functional and practice-oriented competencies based on the ability to think creatively.

The deployment of existing trends certainly causes changes in the system of human activity, its objective characteristics and motivation. With regard to organizational forms, there is a radical shift from industrial-type corporations to so-called «adaptive corporations», which abandon the priority of maximizing profits, focus not only on traditional economic values, but stimulate the search for new and form a creative style of work.

In turn, it serves as an impetus to self-improvement of the person as society exists and changes as a result of self-improvement of mass creativity of the people creating new relations, new productions, new meanings, making new decisions. At the same time, any achievement always causes dissatisfaction with its insufficiency and thus gives an incentive to its further deepening.

The motive of labor activity for modern man is the attitude to work as a means of ensuring personal life, including mainly the need for self-expression, improvement of skills of creative vision and problem solving and, of course, public recognition. As a result, we get the opportunity for creative manifestation in work: the combination of creativity and work.

In turn, as a result of global changes, there is also a overcoming of the process of alienation, which goes in two main directions. First, the remoteness of producers from the means of production is eliminated, and on them the bourgeois class loses the monopoly that caused its dominance in traditional capitalist society. Secondly, there is a modification of social values and a change in the motivation of human activity. The modification of social values, which allows to reduce the severity of the problem of alienation, is associated with the expansion of the information economy. The industrial-type proletarians are replaced by intellectual workers who «...possess qualifications and information as a necessary set of tools... in a way that unskilled factory workers could never own.»¹ Global production and consumption of information expands the range of processes based on subject-subject interactions, and this circle may in the very near future absorb all social production.

Of course, the influence of technology in the development of modern civilization is great. This fact has been recognized by many economists—from A. Smith to K. Marx and J.F. Smith. Schumpeter. However, the effectiveness of technology is determined by the criterion of human creativity, and the most fundamental changes that occur, including in social structures and way of thinking, contribute to the development of creative flow.

Changes in the social sphere are primarily due to a change in the principles of social stratification. And this is the reverse side of the ongoing global changes. Society is beginning to be divided into two large groups, one of which can be called dominant, and the other—alienated, and all modern trends indicate that the middle strata, which served throughout the last century, the key to the stability of society, may in the coming decades, «split» under the influence of ongoing processes, and their representatives fill mainly the lower strata of society, isolation and alienation from each other will only increase.

In this regard, no less important feature of our time is the question of the formation of a society of network structures. Using the terminology of the Swedish school of Economics (A. Bard, J. Zoderkvist), the emphasis in modern economic relations is transferred to the formation of the stratum structure of the network information society. The upper class is represented by a netocracy consisting of network curators, thinkers—eternalists (from the English. eternal — «eternity»), the term is intended to emphasize the infinity of the process of becoming) and nexialists (from lat. nexus — «connection»). On the one hand, netocracy divided competing for exclusive knowledge and information networks that are headed by and controlled by the curators, and on the other, united by a network of single curatorial engaged in network governance, and policing. The lower class, whose existence the netocracy denies in the same utopian way as the bourgeoisie denied the existence as the lower class of the proletariat, is represented by the consumtariat. consumer proletariat — the proletariat of consumers). In fact, capitalists engaged in traditional production — distribution fall into the same class.²

The problem of modern developed society now is not the lack of information, and in its overabundance. And it is very important to make the right choice in favor of some strategies and increasingly difficult to part with those that have contributed to successful development in the past. Social and economic stability, once the norm of life, will now become a rarity and a sign of stagnation. It's not enough to just think or think dif-

ferently. Now you have to constantly rethink ideas and discard them.³

At the same time, the danger of a new confrontation between man and society is likely, which lies not only in the fact that the main criterion for referring a person to a particular social stratum will be his ability to absorb and process information, create new knowledge, which actually means the predetermined occupation of a given social niche by a person, which can hardly be changed during his life, but also in the fact that in new conditions an unprecedented disproportion between the goals of people and their real capabilities is formed. Top companies, mainly focused not on the acquisition of additional wealth, and to receive new knowledge, striving for inner satisfaction his activities will, however, dispose of a major part of social wealth; at the same time, representatives of the lower social groups seeking to ensure increasingly high quality of life via the assignment of material wealth, will be deprived of a real opportunity to achieve the wealth we seek.

Significant changes in social stratification with all their ambiguity cause an increase in creative thinking people, and not only thinking, but also acting.

The modern world has changed dramatically. It is in a much more dynamic and even somewhat chaotic phase compared to when the works of the classics of postindustrialism (G. Kahn, D. bell, K. Tominagi, R. Darendorff) were written. In modern conditions, a significantly different situation is formed, when the development of a new era means the formation of a multidimensional world, characterized primarily by the fact that human interests begin to radically go beyond the limits set by the mere desire to satisfy their material needs. There is a tendency to form non-economic values: the desire to engage in creative activities, to receive or improve education, to have a flexible working schedule, to participate in the life of the organization, the city, society, etc.

According to the American political scientist S. Huntington, there is a process of revival of local cultures in view of the ongoing social changes in the world, increasing the pace of modernization. By affecting the social level,

modernization strengthens the economic, military and political power of society as a whole and forces members of that society to believe in their culture and to assert themselves culturally. At the individual level, however, modernization creates a sense of alienation and disintegration because traditional ties and social relations are severed, leading to an identity crisis⁴.

The transition to creative activity, which takes place, in fact, at the personal level, now provides a more significant impact on all aspects of social life is more significant than those changes that are usually in the field of vision of economists and sociologists. The emergence of creativity as a determinant of economic progress is already the main intangible component of post-economic transformation.

Noting the trends of global social changes in the interaction of man and society, it is particularly worth noting the negative aspects of such trends. If, on the one hand, the main thing is the interaction between people, the emphasis is transferred to the «human factor», and on the other — the person is separated from society, the process of alienation, human bifurcation develops, in which the inconsistency of the interaction process manifests itself.

As a result of the development of various types of human activity, society is increasingly complicated and differentiated. Constantly there are different types of manifestation of human activity, new structures are formed, relations and connections between them multiply and diversify, various kinds of macro — and microsubjects are formed, their needs, interests are formed, etc. under the influence of the growing complexity of social life, the human individuality itself becomes more fractional, it turns out to be more and more tied to individual activities. In this case, it is not only a question of man's increasing commitment to certain types of work, but also of the fact that as the wealth and diversity of social life increases, human life becomes more closely connected with one side of society, whether it is a special kind of work, a separate sphere or a local culture.

The tendency of cleavage reinforces one-sidedness in human development. Man more and

more specializes, focuses on one area of life, as a result of which certain of his qualities and abilities are forced to develop at the expense of curtailment, and even stay in the infancy of his other qualities and abilities, the weakening of many other ties and relationships. In a word, the splitting of man means strengthening the one-sidedness of his development—as opposed to multilateralism and universality.

The second point is the increasing one-sidedness of personality formation. The increasing degree of professionalization of a person puts him in an increasing dependence on the process in which he plunges. Man gradually, perhaps without noticing it, becomes more and more an application, a kind of function of a certain social process, structure. In a word, the increasing functionality of the split man more and more displaces his purely human self-aspirations.

Continuously creating society, man still does not dissolve in it. Along with the ability to merge with society, objectify in it, split and change in connection with the development of society, it is also characteristic of distancing, preserving and developing its subjectivity and totality. Thanks to these attributive qualities, man, while continuously creating and developing society, at the same time continuously preserves, reproduces and develops himself as a generic being.

However, in our opinion, the self-realization of a person can often be achieved thanks to the creative component, including according to the social changes that are caused by technological progress of recent decades.

The formation of modern society leads to a new understanding of its essence. As E. Fromm noted, dehumanization in the name of efficiency has become commonplace. Of course, efficiency is desirable in any kind of purposeful activity. But it has to be seen within a broader system; the human factor in the system has to be taken into account. Ultimately, effectiveness as such should not dominate any type of activity.

In the context of globalization, modern economy is increasingly dependent on the creative potential of man, which becomes absolutely necessary for the development of the production process itself, and for adequate assimilation of its results. The global changes that are taking place in the world today determine the dynamics of the development of specific characteristics of the young generation. The main resource for the formation of creative traits of modern man is information and knowledge, based on the fundamental classical education. Modern education is the Foundation and basis of stable development of society.

---

¹ Greider W. One World, Ready or Not. P. 317.

² Borovinskaya D.N. Creative and information model of man: philosophical analysis of social relationships: monograph. Tyumen. Publishing house of the Tyumen state University, 2010. P. 53—54.

³ Look also. P. 54.

⁴ Belsky V.Y. Traditions and creativity in modern society: social and philosophical aspect. Journal: «Bulletin of The Russian philosophical society» 2018 № 4(88). P.18—22.

Content and Structure of the Preparatory Process Cadets of Universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Pedagogical Prevention Drug Behavior of Pre-drug Youth

Содержание и структура процесса подготовки
курсантов вузов МВД РФ к педагогической профилактике
наркотического поведения допризывной молодежи

Maria Andreevna BASHLUEVA,
Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Moscow Regional Branch of the Moscow University
of the Ministry of the Interior of Russia named after
V.Ya. Kikotya Capitan of police
E-mail: rinkarikam@yandex.ru

Мария Андреевна БАШЛУЕВА,
Преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Московского областного филиала
Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя майор полиции
E-mail: rinkarikam@yandex.ru

Для цитирования: М.А. БАШЛУЕВА. Содержание и структура процесса подготовки курсантов вузов МВД РФ к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 54—59.

Annotation. This article contains a more accurate and complete disclosure of the concept of «preparation of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs for pedagogical prevention of drug behavior of pre-education youth.» Also, the cadets develop a complete and necessary list of skills and skills in the field of prevention of drug and psychotropic substance use among young people of conscripted age. Detailed study of the structure of training of cadets in the field of prevention of knowledge in the field of narcotic drugs for young people. Elaboration of a process and composition that includes reliance on a sober and healthy lifestyle, study of public policy by cadets, principles and legislative regulation in the field of drug behaviour of pre-age youth; Training of cadets in drug-related research and evaluation skills in the law enforcement area; To explain to the cadets the content of the stages and the peculiarities of the development of the main types of dependence on drugs.

Key words: prevention of drug behavior, prevention of awareness in the field of drugs, the formation of skills among cadets, the behavior of pre-conscription youth

Аннотация. В данной статье содержится более точное и полное раскрытие понятия «подготовка курсантов вузов МВД к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи». Также развитие у курсантов полного и нужного перечня навыков и умений в области предотвращения употребления наркотиков и психотропных веществ среди молодежи призывного возраста. Подробное изучение структуры подготовки курсантов в области профилактики осведомленности в области наркотических средств допризывной молодежи. Выработка процесса и состава, который включает опору на трезвый и здоровый образ жизни, изучение курсантами государственной политики, принципы и законодательные регулирование в сфере наркотического поведения допризывной молодежи; формирование у курсантов умений и навыков изучения и оценки, связанных с наркотиками в районе несения правоохранительной службы; разъяснение курсантам содержания этапов и особенностей развития основных видов зависимости от наркотиков.

Ключевые слова: профилактика наркотического поведения, профилактика осведомленности в области наркотиков, формирование у курсантов умений и навыков, поведения допризывной молодежи

Статистика и динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в России, а также по субъектам-лидерам (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург) показывает, активный период

пришелся на 2014 год и в данный момент происходит планомерное понижение преступности. По мнению специалистов, это связано с недостаточной продуманностью законодательной частью¹. Количество лиц привлеченных

к уголовной ответственности постоянно возрастает. Также следует отметить, что оборот наркотиков как таковой стал организованным и профессиональным. Рост официально зарегистрированных больных наркоманией в Российской Федерации поддерживает стабильно высокую тенденцию роста, что в очередной раз поднимает актуальность данной проблематики.

Около 80% употребляющих наркотики — молодежь в возрасте до 30 лет, растет уровень детской и подростковой наркомании и токсикомании. Само это, хотя и не только способствует и подталкивает общество и ведомства для принятия крайних мер. Для реализации мер по созданию условий в которых будет формироваться здоровый образ жизни, без наркотиков и алкоголя. Именно это и свидетельствует об актуальности направления исследования по разработке комплекса мер по профилактике правонарушений, связанных с употреблением наркотических веществ².

Необходимо подчеркнуть, что свыше 80 % сделок происходит в сети интернет, где покупатель и продавец лично не контактируют друг с другом, что существенно затрудняет процесс уголовного преследования. В большинстве случаев приобретатели отправляют денежные средства на так называемые электронные кошельки, которые не имеют официальной регистрации на определенное физическое лицо и получают информацию о так называемой «закладке».

Учебные учреждения среднего и высшего звена, а также места массового развлечения молодежи, а именно, дискотеки, кафе и ночные клубы, представляют на сегодняшний день основные пункты распространения наркотиков. Социологические опросы учащихся старших классов г. Москвы и г. Санкт-Петербурга в 2018 г. подтвердили, что почти 70 % из них получили представление о наркотиках именно там³.

На сегодняшний день сети интернет зачастую вероятно встретить информацию о распространении наркотиков, в том числе — среди детей⁴. В большинстве школ г. Москвы наблюдается следующая картина: учащиеся более старших классов распространяют наркотические средства под видом, под видом, безобидных жвачек, которые раздаются абсолютно бесплатно. Однако, «жевательные

резинки» вызывают привыкание уже с первого употребления, а последующая доза стоит 500 рублей. Другой вариант получить «угощение» безвозмездно: нужно просто привести к наркоторговцу приятеля или знакомого, посадив на «жвачки» и его.

Однако известны факты употребления «ложных» марок ЛСД, от которых молодые люди умирают, теряют рассудок и под их воздействием совершают самоубийства.

Каждый год по собственному желанию в России уходит из жизни около 50—60 тыс. чел. Свыше 35 % из них по причине употребления наркотических веществ.

Значительной проблемой в нынешнем обществе является незаконная миграция населения. Прежде всего, это становится причиной нелегального использования иностранной рабочей силы, что представляет выгоду для большинства работодателей. Но в более значительных масштабах это приводит к многочисленным нарушениям законодательства, к деформации, а в последующем возможному разрушению рынок труда, к уклонению от уплаты налогов мигрантами и работодателями⁵.

Значительная часть трудовых мигрантов привлечены в теневую экономику, что означает укрытие от государственной регистрации, уплаты необходимых налогов и сборов, в основном в конкуренции перед законопослушными гражданами⁶.

Одновременно с прибытием трудовых мигрантов и под его прикрытием, формируется и действует наркотрафик. Стали регулярными ситуации, когда незаконные мигранты выступают «живым сосудом» для транспортировки и доставки наркотических веществ в Российскую Федерацию. Упомянутые выше «закладки» реализуемые при помощи сети Интернет распространяют в основном выходцы из СНГ.

Миграция представляет опасную проблему для экономики Российской Федерации и положительным образом влияет на увеличение уровня преступности в целом.

Полученная ситуация может быть искоренена только посредством комплексной, последовательной организационно-профилактической работы, на основе осуществления значительных социологических исследований, посвященных наркотизации и миграции, всесторонней научной оценки данных явлений

и организации действенного комплекса мер противодействия, особенно в молодежной среде⁷.

На нынешнем этапе общество России является сложной и противоречивой совокупностью, в которой в неразрывном единстве присутствуют как нормальные (одобряемые обществом), так и девиантные составляющие поведения людей. Удивительно, но ученые типично одобряют такие девиации аддиктивного характера как экстремальный спорт, творчество, различные духовные практики и влюбленность. Отрицательно оцениваются, с другой стороны: табак курение, употребление спиртных напитков, а также множественные для современного «периода научно технического резонанса» интернет-, теле-, видео- и прочие зависимости.

Хотелось бы отметить, что объективных мер, как морально-нравственного характера, так и сугубо математического изучения или измерения процессов и явлений в российском обществе не выработано⁸. Не подвергается сомнению, также и то, что морально-нравственные устои российского общества находятся под действенным влиянием как «действующих на сознательном уровне внешних врагов — оппонентов» с одной стороны, так и тех членов общества, которые сомневаются в сложившейся системе регулирования отношений в организации понятий «норма — девиация».

Весомую значимость в таком положении принимает активная научная и практическая работа педагогов всех уровней и предназначения. Первоочередную роль должна брать на себя семья, а именно родители как объективный и первичный субъект целостного педагогического процесса, реализующегося с подрастающим поколением.

Растет неуверенность в том, что существуют ли пути решения данного вопроса, дабы избежать обвинений в несостоятельности выдвигаемых среднестатистическим педагогом в отношении воспитанников или учащихся основных нравственных и моральных требований.

Всесторонний мониторинг социальных процессов в среде подрастающего поколения как наиболее типичной целевой аудитории в образовательной системе России показывает, что проблемы «развратности», «наркотизма», «социального отчуждения» и «нигилизма»

приобрели значимый статус. При этом, ключевую роль играет наркотизм⁹.

Необходимо подчеркнуть, что профилактика наркотизма проводится в современных условиях на базе нормативно-правового регулирования, правовая формула которого состоит в утверждении «разрешено все то, что прямо не запрещено». Таким образом, выходит, что полный запрет на употребление наркотических средств и психотропных веществ, прямо не предусмотрен. И поэтому воспитательная составляющая профилактики наркотизма настолько весома, что это требует предельно досконального понимания всего комплекса эффективных методов и средств.

Впрочем, прежде всего, важна точная дефиниция цели педагогической профилактики наркотизма, которая выявляется просто: «научить человека управлять своим химически зависимым поведением»¹⁰.

Сложившаяся ситуация в нынешнем российском обществе такова, что элементарный опытный мониторинг методом опроса в ближайшем окружении может легко показать достаточно терпимое отношение к наркотизму. Но как в такой среде быть несовершеннолетнему ребенку или взрослому человеку, попавшему в сложную жизненную ситуацию. Это стабильно порождает деструктивную фрустрацию в психике любого человека разного возраста. Люди, подверженные фрустрации, попадают под всеобъемлющее воздействие негативных факторов. Большинство, так называемых «благополучных» на сегодняшнее время людей, в состоянии так сказать понять, почему тот или иной представитель человеческого сообщества начинает употреблять психоактивные вещества. Явление фрустрации в целом охватывает потребностную сферу такого человека. Представленная сфера имеет два направления: гедонистический путь и путь страданий. Закономерность состоит в том факте, что гедонизм разной направленности приводит к неизбежному страданию. Данное обстоятельство скрыто перед людьми, подталкиваемыми с подачи общества к нестандартным примерам поведения, так и те, которые руководствуются выбором отрицательного типа поведения самостоятельно¹¹.

Считается неверным рассматривать понятие фрустрации как источник наркотизма.

Фрустрация направлена в иную понятийную плоскость, а конкретно в комплексе «желание — зависимость». Если случаются непредвиденные сбои, то в данной системе образуется и растет фрустрация. Что касается объема «копинг-поведения», то в данном случае возможно определить, как долго человек способен противостоять серьезным жизненным обстоятельствам¹².

В постоянной диалектике системы «желание — зависимость» причинностным медиатором выступает такая парадоксальная дефиниция числительного характера как «чрезмерность». Конкретно эта ситуация приводит к формированию зависимости человека от определенного рода желаний. Повседневной проблемой доказать, что нечто является чрезмерным и даже вредным, является проблема, с которой сталкиваются все педагоги во всем мире в воспитательном процессе. Человеческие потребности, именуемые желаниями, не могут противоречить мысли о выживании человека в разных обстоятельствах. Очевидные сбои в системе их удовлетворения являются серьезной проблемой дисбаланса самого человека как биосоциального объекта и окружающей среды в том числе.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основе понятия и явления наркотизма не наркотик, его прекурсор и прочие психотропные средства, а личность индивидуума в процессе его жизнедеятельности.

Воспитание социального компонента человека как бы его не нарекали (личность, субъект, индивид и прочее) является единственно верным в предупреждении наркотизма. В особенности, воспитание умеренности как одна из подвергающихся критике современными передовыми учеными целевая установка в педагогическом процессе должна быть переосмыслена. Трезвость понятие, включающее в себя не только физиологическое состояние, но и морально-нравственное. Конкретно в таком направлении осуществляется активная борьба за будущее российской молодежи и общества в целом. Закономерным является тот факт, что это явление может инициироваться либо «непрофессиональными педагогами» — «ремесленниками», либо приобретает характер «сознательной ошибки» (возможно, имеющей внешнюю поддержку)

популярной в современном российском социокультурном пространстве.

Научно доказано, что понятие «профилактика» длительное время является межотраслевым и регулярно используется в различных областях деятельности. Мероприятия по профилактике, как любой процесс предупреждения (деятельность, направленная на предотвращение нежелательного последствия) имеет свой субъект, объект, цели, задачи, функции, противоречия, принципы и методы¹³.

При определении предмета профилактики возникает ряд очевидных отличий с содержательной стороной профилактики. При этом каждое из предлагаемых профилактических направлений содержит свою специфику, особый набор методов решения возникающих задач.

Подготовка учащихся вузов Министерства внутренних дел РФ к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи, а именно ее основная сущность может быть определена благодаря всестороннему мониторингу ведущих научных концепций и исследований. Подготовка и внедрение в образовательный процесс междисциплинарного комплекса, который имеет своей целью прогнозировать формирование у курсантов компетенций в сфере предотвращения наркотического поведения допризывной молодежи при помощи имеющегося арсенала педагогических средств.

Набор основных элементов образовательного процесса, состоящий из трех уровней в вузовской практике в целом представляют комплекс и структуру процесса подготовки курсантов вузов Министерства внутренних дел РФ к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи. Уровни делятся на следующие подструктуры: вузовский уровень, кафедральный уровень, персональный уровень (каждого отдельного курсанта)¹⁴.

Основными составляющими ведущей части, включающими подготовку курсантов вузов Министерства внутренних дел РФ к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи следует упомянуть следующие компоненты:

- непрерывная работа по формированию у учащихся установки на трезвый образ жизни;

- поэтапное непосредственное и тщательное изучение контента, посвященного воплощению государственной политики Российской Федерации и принципов нормативно-правового регулирования в сфере наркотического поведения допризывной молодежи;
- воспитание у обучаемых целого комплекса умений и навыков мониторинга и оценивания наркоситуации в соответствующем участке несения правоохранительной службы;
- постоянная работа по ознакомлению и разъяснению курсантам содержания этапов и особенностей развития основных видов зависимости от наркотиков (социальной, психологической, физической);
- консультирование учащихся методикам диагностики наркотического поведения допризывной молодежи и воплощения превентивного потенциала психолого-педагогических методов и техник полного исчезновения наркотической зависимости;
- постоянная готовность к воплощению профилактического взаимодействия с государственными и общественными организациями. В число таких организаций входят:
- государственный антинаркотический комитет;
- антинаркотическая комиссия субъектов Российской Федерации;
- муниципальные комиссии;
- наркологические диспансеры;
- публичные международные и российские организации и др.¹⁵

Однако приоритетным направлением процесса подготовки является создание такого образовательного комплексного ресурса, который способствует овладению курсантами вузов Министерства внутренних дел РФ компетенций необходимых для реализации собственно педагогического комплекса мер профилактики в отношении наркотического поведения допризывной молодежи на всех уровнях правоохранительной деятельности¹⁶.

Формирование и воплощение целостного комплекса организационно-методических условий эффективного обучения курсантов методике диагностики наркотического поведения допризывной молодежи; всестороннее применение в образовательном процессе инструктив-

ных возможностей современных мультимедийных средств в сфере антинаркотической пропаганды и педагогической работы в области предупреждения и преодоления наркотического поведения допризывной молодежи во на всех этапах служебной деятельности; выработка у курсантов навыков реализации профилактического потенциала психолого-педагогических методов и техник нейтрализации наркотической зависимости являются первоочередными задачами процесса профилактики. Основными действующими лицами исследуемого процесса выступают: с одной стороны, руководящий состав вузов Министерства внутренних дел РФ и заместители руководителей образовательных организаций, ответственные должностные сотрудники, руководители факультетов и начальники курсов, профессорско-преподавательский состав учебного учреждения и пр.; с другой стороны, ответственные должностные лица структурных подразделений МВД РФ, где учащиеся имеют возможность выполнять практические задачи по обеспечению правоохранительной деятельности и пр.

В качестве объекта процесса рассматриваются курсанты образовательных учреждений МВД РФ всех курсов обучения (отдельные курсанты, а также учебные коллективы)¹⁷.

Таким образом, в ходе комплексного теоретического анализа было дано определение понятия «подготовка курсантов вузов МВД к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи» как поэтапного формирования и развития у курсантов компетенций в сфере предупреждения и преодоления различных форм употребления наркотических средств, и психотропных веществ среди молодых людей, подлежащих призыву на армейскую службу.

По сути, подготовка курсантов вузов Министерства внутренних дел РФ к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи представляет собой реализующийся в образовательном процессе междисциплинарный комплекс предполагающий формирование у курсантов компетенций в сфере профилактики наркотического поведения допризывной молодежи педагогическими средствами.

Структура подготовки курсантов вузов МВД РФ к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи, характеризуется конкретизирован-

ными целями, задачами, закономерностями, противоречиями, принципами, методами, формами и средствами, которые реализуются на: вузовском, кафедральном и персональном уровнях; ведущее место в системе занимает кафедральный уровень, на котором формируются индивидуальные образовательные траектории курсантов с учетом освоения компетенций антинаркотической деятельности и экспертного оценивания готовности к выполнению оперативно-служебных задач в среде молодых людей допризывного возраста.

Содержательно процесс подготовки курсантов вузов МВД РФ к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи включает: формирование у курсантов установки на трезвый образ жизни; тщательное изучение содержания государственной политики РФ и принципов нормативно-правового регулирования в сфере наркотического поведения допризывной молодежи; формирование у курсантов умений и навыков изучения и оценки наркоситуации в районе несения правоохранительной службы; разъяснение курсантам содержания этапов и особенностей развития основных видов зависимости от наркотиков (социальной, психологической, физической); обучение курсантов методике диагностики наркотического поведения допризывной молодежи и реализации профилактического потенциала психолого-педагогических методов и техник нейтрализации наркотической зависимости; выработка готовности к осуществлению профилактического взаимодействия с государственными и общественными организациями (антинаркотическими комиссиями субъектов РФ, муниципальными комиссиями, наркологическими диспансерами и пр.).

¹ См.: Афанасьев В.С., Гилинский Я.И. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб., 1997, 2001—250 с.

² См.: Богомолов А.В., Климентенко Г.Г. Наркотизация населения как угроза национальной безопасности государства // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 94—98.

³ См.: Башлуева М.А. Особенности подготовки курсантов вузов МВД России к педагогической профилактике наркотического поведения допризывной молодежи // Мир образования — образование в мире. 2018. № 1 (69). С. 247—250.

⁴ См.: О детской наркомании: [Электронный ресурс]. URL: <https://versia.ru/narkotiki-rasprostranyayut-v-shkolax-pod-vidom-zhvachki>.

⁵ См.: Бабаян Э.А. Контроль наркотических средств и психотропных веществ и проблемы сокращения спроса на них // Актуальные вопросы контроля наркотических средств и наркологии. Москва. 1990. С. 13—36.

⁶ См.: Алёхин И.А. Педагогическая профилактика наркомании, токсикомании и алкоголизма в части, подразделении: учебное пособие / И.А. Алёхин, Е.И. Федак, В.В. Чистяков. М.: ВУ, 2017. 211 с.

⁷ См.: Башлуева М.А. Возрастающая роль оптимизации педагогических технологий в процессе подготовки курсантов вузов МВД России // Прикладная психология и педагогика. 2017. Т. 2. № 3. С. 27—36.

⁸ См.: Алёхин И.А., Федак Е.И., Чистяков В.В. Педагогическая профилактика наркомании, токсикомании и алкоголизма в части, подразделении: учебное пособие / кол. авт.: И.А. Алёхин, Е.И. Федак, В.В. Чистяков. М.: ВУ, 2017. 211 с. ил.

⁹ См.: Заречнев Д.О. Подготовка курсантов вузов МВД России к работе по профилактике вовлечения подростков в незаконный оборот наркотиков: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2008. 197 с.

¹⁰ См.: Алёхин И.А. Педагогическая профилактика наркомании, токсикомании и алкоголизма в части, подразделении: учебное пособие / кол. авт.: И.А. Алёхин, Е.И. Федак, В.В. Чистяков. М.: ВУ, 2017. 211 с. — ил.

¹¹ См.: Миронов А.С., Прылико В.Б., Федак Е.И. Теория и практика профилактики наркотического поведения допризывной молодежи допризывной и армейской молодежи: учебное пособие. Нижний Новгород: Типография газеты «Начеку» Приволжского округа ВВ МВД России, 2006. Ч. 1. 151 с.

¹² См.: Лазарус Р., Каннер А., Фолкман С. Эмоции: когнитивно-феноменологический анализ // эмоции. Теория, исследования и опыт. Т. 1. Нью-Йорк, 1980. С. 185—217.

¹³ См.: Заречнев Д.О. Подготовка курсантов вузов МВД России к работе по профилактике вовлечения подростков в незаконный оборот наркотиков: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2008. 197 с.

¹⁴ См.: Слепов В.Я. Теоретические основы сущности, содержания и задачи военно-профессионального воспитания курсантов (слушателей) вузов ВВ МВД России / В.Я. Слепов, А.В. Слюсарев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. Т. 54. № 2. С. 214—219.

¹⁵ См.: Бахмудова (Башлуева) М.А. Управление качеством процесса обучения в военно-учебных заведениях МВД России // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 184—186.

¹⁶ См.: Миронов А.С., Прылико В.Б., Федак Е.И. Теория и практика профилактики наркотического поведения допризывной молодежи допризывной и армейской молодежи: учебное пособие. Нижний Новгород: Типография газеты «Начеку» Приволжского округа ВВ МВД России, 2006. Ч. 1. 151 с.

¹⁷ См.: Башлуева М.А. Повышение познавательной активности курсантов вуза МВД в учебном процессе в процессе формирования личности молодого сотрудника органов внутренних дел // Роль гуманитарных и социальных дисциплин в формировании общих и профессиональных компетенций сотрудника органов внутренних дел: материалы научно-практических семинаров и круглых столов (2011—2012 гг.). Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2013. 227 с. С. 20—22.

The Concept of «Youth Subculture»: Historical Background and Forms of Appearance

Понятие «молодежной субкультуры»: исторические предпосылки и формы появления

Julia Nikolaevna SITNIKOVA,
Department of Sociology and Political Science Moscow
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikotya
E-mail: yu100577@rambler.ru

Юлия Николаевна СИТНИКОВА,
кафедра социологии и политологии Московский
университет МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: yu100577@rambler.ru

Для цитирования: Ю.Н. СИТНИКОВА. Понятие «молодежной субкультуры»: исторические предпосылки и формы появления. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 60—66.

Annotation. The article discusses the concepts of «youth» and «subculture», their characteristics and significance, as well as the prerequisites for the emergence of «youth subcultures» in Russia and their current state.

Key words: philosophy, culture, ethics, spiritual and moral values, self-identification, youth, subculture

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «молодежь» и «субкультура», их характеристики и значение, а так же предпосылки появления «молодежных субкультур» на территории России и их современное состояние

Ключевые философия, культура, этика, духовно-нравственные ценности, самоидентификация, молодежь, субкультура

Несмотря на то, что на сегодняшний день имеется достаточно большое количество научных работ, связанных с исследованием проблематики воспитания подрастающего поколения, становления и развития молодежных сообществ, групп и субкультур и их влиянием на формирование духовно-нравственных ценностей молодежи, вопрос молодежных субкультур остается недостаточно изученным. Подобные научные разработки проводились практически во всех отраслях — философии, социологии, психологии, педагогике, истории. И с каждым годом интерес к этой теме все больше и больше возрастает.

Первые попытки рассмотреть феномен молодежных субкультур как самостоятельного общественного явления были предприняты еще в 20-х годах прошлого столетия. Рассматривая молодежные течения и направления, мы все чаще задаемся вопросом: «Что такое молодежные субкультуры? Кто они, молодое

поколение современности? Каковы их этические ценности и предпочтения?».

В настоящее время ответить на этот вопрос весьма сложно, так как процесс социализации современной молодежи очень многогранен и отражает многовекторность современных общественных связей и отношений. В связи с этим, для более точного определения лиц, относящихся к данной категории, необходимо ответить на вопрос: кто относится в настоящее время к «молодежи» и что же такое «субкультуры».

Периодизацией «возрастных групп» занимались многие мыслители древности и наши современники, обозначая различные рамки и классификации возраста.

Древнегреческий философ Пифагор отождествлял этапы жизни человека с временами года, каждый из которых длился 20 лет — весна, лето, осень, зима. По его мнению, молодость (лето) приходится на период от 20 до 40 лет. В Риме отрочество считалось до 14—

17 лет, до получения тоги взрослого; молодость — до 46 лет. Идеи Гиппократов стали основополагающими для дальнейшего определения периодов жизни. Он выделял 10 периодов, длиной в 7 лет каждый, начиная от рождения.

Впоследствии немецкий физиолог М. Рубнер (1854—1932) предложил схожую периодизацию возраста, в которой юношеству соответствовал 14—21 год. В России изучению возрастных критериев так же уделялось должное внимание. Так, российский ученый А.П. Рославский-Петровский (1816—1871/1872) разработал свою теорию определения границ возраста, где цветущее молодое поколение приходилось на 16—30 лет.

Одним из основоположников исследования молодежи современности является советский и российский философ и социолог В.Т. Лисовский (1929—2002), который впервые в России ввел понятие «молодежь», описав его как «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции»¹. Его современник философ и социолог И.С. Кон (1928—2011) подчеркивал, что молодость, «как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойств данному обществу закономерностей социализации»².

В то же время, можно рассматривать «молодежь» с точки зрения действующего российского законодательства, в котором Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р дано весьма четкое определение этому понятию: молодежь — это социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, — до

35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)³.

По мнению Всемирной организации здравоохранения на 2019 год молодой возраст соответствует 18—44 годам.

Анализируя вышесказанное можно констатировать факт, что нижняя возрастная граница стремится к снижению, а верхняя к возрастанию и как мы видим, и как следствие молодой возраст определен пределами от 14 до 44 лет.

Ранее считалось, что периодом активного участия в молодежных движениях и субкультурах являлся возраст от 14 до 20 лет. Это связывалось с тем, что именно в подростковом возрасте у человека происходит активный поиск себя, как индивида, и как члена социума. Впоследствии, в связи с изменением круга интересов (окончание школы, трудоустройство, создание семьи), а так же более точным определением своего общественно-социального статуса, человек самоисключался из субкультур, переориентируясь на решение более приоритетных социальных задач.

Однако, в последние годы происходит размытие возрастных границ, в том числе в рамках субкультурности. На сегодняшний день принцип возрастной классификации основывается в первую очередь не на паспортных данных, а опирается на анатомические и физиологические особенности организма, индивидуальные физические, умственные, психо-эмоциональные показатели. В настоящее время раздвинулись условные социально-психологические границы молодости, и в связи с этим все чаще речь идет не о количественных, а о качественных показателях. На первый план выходит «биологический возраст».

Кроме того, в настоящее время социализация личности не всегда осуществляется в соответствии с принятыми в обществе нормами. Возможности определения себя, как взрослого человека, варьируются в зависимости от множества факторов: воспитания, социального статуса, семейного положения, материального состояния, целей и стремлений каждого индивида. При имеющихся социально-экономических возможностях современного общества,

стремительно развивающемся информационно-техническом пространстве, а так же индивидуальных особенностях воспитания и формирования личности, произошло значительное расслоение молодежи — кто-то стремится в 13—14 лет стать социально и материально независимым, а для кого-то «психологически» пубертатный период увеличивается до 35, а порой и более лет.

Воспитание детей посредством интернет-сетей и доступность информации различного содержания создают благоприятную почву для стремительного формирования у подрастающего поколения представления о себе, как личности, и об окружающем их обществе. Уже в 8—10 лет ребенок, являясь активным участником интернет пространства, изучает мир через призму бесконечного простора информации, что способствуют созданию иллюзии раннего взросления и включения их в общественную жизнь, а также проявляется в попытках принятия самостоятельных решений, часто приводящих к негативным последствиям. Процесс акселерации существенно ускорил физиологическое созревание подростков, а влияние глобализации и интеллектуализации молодежной среды позволяет им значительно расширять свой кругозор, проникая в более глубокое осмысление общественно-политических и социальных процессов. Стоит отметить, что не всегда это развитие носит позитивный характер. Зачастую несформировавшееся, весьма неустойчивое психо-эмоциональное восприятие 10-летнего подростка буквально впитывает в себя все, что предоставляется миром интернета, неосознанно вовлекаясь в те или иные виртуальные отношения, сообщества или субкультуры, вынося их впоследствии в реальную жизнь.

Таким образом, нижний возрастной порог участников субкультур определяется десятью, а порой и восьмью годами. Именно в этом возрасте личность уже самостоятельно способна ориентироваться в потоке имеющейся информации, однако наиболее подвержена влиянию извне и, в связи с неспособностью к критическому анализу, с готовностью принимает кажущиеся правильными условия и нравственные ценности различных сообществ.

В основном, попадая в субкультуры, человек становится их активным участником уже в юном возрасте и при тех или иных обстоятельствах остается в них достаточно долго. Ранее верхним возрастным порогом участия в субкультурах являлся возраст до 20 лет. Однако, на сегодняшний день, по ряду причин, достаточно большой процент участников остается в молодежных субкультурах и в более зрелом возрасте. Во-первых, они выступают как хранители субкультурных традиций. Во-вторых, многие из них членство в субкультуре переносят в свою профессиональную деятельность (например, музыка, литературное творчество, изготовление и реализация одежды, аксессуаров, деятельность по организации и проведению исторических реконструкций). В-третьих, стремление уйти от реальной жизни, а так же глобальное, зачастую пагубное влияние социальных сетей, не может не сказываться на формировании личности вне зависимости от возраста. И более зрелые люди и в 40, и в 50 лет погружаются в иллюзорный мир с целью укрыться от реальных проблем, абстрагироваться от суровой действительности или же реализовать свои статусно-социальные амбиции через искусственно созданные возможности. Благодаря интернет ресурсам и телекоммуникативным возможностям, позволяющим в свободном доступе получать и делиться информацией из разных источников, достаточно быстро происходит сплочивание в различные группы, как виртуальные, так и реально существующие. Сегодня общественное мнение более спокойно относится к тому, что люди среднего возраста ведут себя «по молодежному», существует даже устойчивая мода на «молодежность». Кроме того, существенную роль в становлении возрастных критериев субкультурности играет активно развивающаяся индустрия развлечений, культивируя в людях стремление находиться внутри той или иной субкультуры, становясь товаром как для детей, так и для взрослых.

Подводя итог, можно сказать, что возрастной порог лиц, относящихся или относящих себя к молодежи в рассматриваемом контексте субкультурности, может быть определен периодом от 10 до 40 и более лет.

Рассмотрение вопроса определения термина «субкультура» так же требует особого внимания.

Понятие «субкультура», в качестве обозначения общественного явления, пришло к нам из английского языка и состоит из латинского «sub» — «под» и «culture» — «культура».

Одним из первых это понятие использовал американский ученый Дэвид Рисмэн в 1950 г., обозначив им группу лиц, намерено избирающих стиль, ценности и поведение, предпочитаемое меньшинством. Впоследствии многие ученые давали свои определения молодежным субкультурам, выделяя те или иные особенности данных сообществ.

Так, Майкл Брейк в определении субкультуры выделял в первую очередь имидж, манеры и арго⁴. Он считал, что членам субкультур свойственно внешнее проявление смысла характерного данной субкультуре, состоящее из одежды, прически, элементов и аксессуаров (имидж); определенные поведенческие качества (манеры); особенные коммуникативные навыки и словарный запас, посредством которого осуществляется общение между членами данной социокультурной группы (арго).

Французский ученый Мишель Маффесоли в своих работах вместо понятия «молодежная субкультура» использует термин «городские племена» (трибы)⁵. По его мнению, основными характеристиками триб являются значимость территории (места, локальности существования, социальности), общность вкуса (видение мира под определенным ракурсом) и возвращение фигуры вечного ребенка (проявление желания проживать в своем мире реализую собственные страсти, порой впадая в инфантилизм). Фигура «вечного подростка» становится все более популярной. Проживать в своем пространстве, среди своих, играя в свои игры по своим правилам — это то, что характеризует субкультуру, как таковую. Именно эти качества в данном порядке составляют основу глубинного чувства принадлежности.

В философии и культурологии (областях знаний, занимающихся общими закономерностями существования общества) иногда употребляется понятие «молодежная субкультура», претендующее на обобщенное обозначение

молодежи и свойственной ей социальности в целом. В более конкретных науках об обществе (социологии, социальной антропологии, истории) такая обобщенная категория употребляется редко, поскольку в реальности молодежные социальные структуры крайне многообразны и требуют индивидуального рассмотрения.

Если рассматривать понятие «субкультура» в целом, то можно сказать, что это часть культуры общества, представляющая собой совокупность собственных эстетических, поведенческих, этических и ценностных качеств, формирующихся на творческой, географической, профессиональной, спортивной, этнической и иных основах. Субкультуры чаще всего являются носителями фрагментарных элементов существующей в обществе доминирующей культуры. Субкультуры могут отличаться и самоидентифицироваться по таким критериям, как самоназвание; внешние признаки (одежда, прическа); языковые характеристики (собственный сленг); традиции (обычаи, ритуалы); творческие, досуговые и спортивные направления (музыка, литературные произведения, различные виды спорта) и многим другим.

Кроме того, необходимо обратить внимание на такое явление, как «контркультура». Это понятие не тождественно «субкультуре». В отличие от субкультуры участники контркультур стремятся полностью противопоставить себя существующим нормам общества, тем самым бросая вызов и умышленно нарушая имеющиеся духовно-нравственные, политические и социальные ценности. К классическим примерам контркультур можно отнести все виды криминальных направлений молодежных организаций. Так, сторонники АУЕ являются носителями криминальной идеологии, которая опирается на арестантский уклад жизни и пропагандирует так называемые воровские законы.

Понятие «молодежная субкультура» является достаточно узким относительно более широкого понятия «молодежное сообщество». Зачастую граница между группами, разработавшими собственную символику, название, внешнюю атрибутику, нормы поведения и традиции, и обычными молодежными органи-

зациями весьма условна. Не многим группам удается создать свою собственную, индивидуальную субкультуру. Например, в последнее время большой популярностью пользуется такая субкультура, как оффники — околоспортивные футбольщики. Выделившись из огромного числа групп футбольных болельщиков, они смогли создать свои внутригрупповые ценности и внешние особенности. У членов этой субкультуры лица чаще всего закрыты балаклавой (трикотажная маска с прорезями для глаз и рта), на спортивного вида одежде имеются логотипы и символика. Участникам этой группировки свойственна чрезмерная агрессия, которую они выражают в применении физического насилия в так называемых «забывках» — групповых драках и избиениях. Причиной стычек, чаще спровоцированных, может стать несоответствие в одежде или разногласие во взглядах. Стоит обратить внимание на то, что к футболу, как виду спорта, эта субкультура имеет весьма опосредованное отношение, разве что в качестве обязательного условия быть болельщиком за какую-либо Российскую футбольную команду.

Сегодня все больше и больше термин «молодежная субкультура» теряет свою актуальность, количество субкультур стремительно растет, при этом индивидуальные характеристики между многими из них начинают размываться, разница становится незначительной. Они начинают объединяться в более крупные или наоборот распадаться на более мелкие формирования. Многие субкультуры, получая новые названия, продолжают являться носителями внешних признаков и традиций предыдущих сообществ, претерпев лишь незначительные изменения. Несмотря на то, что каждая субкультура несет в себе особенности и внешние различия, однако же в целом они формируют и отражают многообразие этических норм современного общества.

В цивилизационном отношении для развития субкультур наиболее благоприятно общество «западного» типа, поощряющее проявление индивидуальности, личной активности. Поэтому субкультуры наиболее представлены в Европе, США, Канаде, развитых странах Восточной Азии, а из стран бывшего Советского Союза — в крупных городах Рос-

сии, Украины, Белоруссии, в Прибалтике. Однако сегодня наблюдается значительное расширение территориальных границ формирования субкультур. Молодежь активно вступает в субкультуры в странах с достаточно строгими историческими и религиозными ценностями, таких как Калмыкия, Казахстан, республики Северного Кавказа. Здесь присутствуют не только представители общеизвестных субкультур (эмо, анимешники, байкеры и другие), но и отражающие особенности, характерные для данного региона (лезгинчики, бродяги Дагестана).

Одним из факторов возникновения субкультур можно обозначить бурное развитие социально-цивилизационных условий, включающих в себя увеличение длительности этапов социализации перед вступлением во взрослую жизнь, что привело к появлению у молодых людей свободного времени. Кроме того, значительное влияние на формирование субкультур оказывают существующие внутри общества экономический, политический или нравственный кризис. Внутри общества происходит некий толчок, создающий условия для возникновения бессознательного стремления молодого поколения к протестному поведению.

В конце 20 века подрастающее поколение, объединяясь в субкультуры, старалось обозначить свое нигилистическое отношение, бросая вызов общепринятым консервативным морально-этическим нормам. Однако, на тот момент молодежные организации были единичными, во всем мире их насчитывалось не более десятка. Их общие этические нормы зачастую склонялись к гедонистическому мировоззрению и нередко ограничивались моральными принципами скорее потребителей, чем борцов или созидателей.

В России молодежные субкультуры в их современном виде возникли в середине XX века, вскоре после окончания Второй Мировой войны. В 50-е в период «железного занавеса» и холодной войны появились стилисты. Их стиль в одежде, поведение и музыкальные интересы были весьма сходны с английскими тэджи-боями. При этом существовало некоторое отличие: стилисты конструировали свой костюм с ориентацией на западный стиль

одежды, противопоставляя его менее изысканному советскому стилю, а манипуляции с одеждой тэджи-боев рассматривались, как попытка малообеспеченной молодежи быть внешне похожими на представителей аристократии. Данные субкультуры появились в двух странах независимо друг от друга, причем в СССР на несколько лет раньше, чем в Великобритании.

Постепенно в 70-х на исходе «хрущевской оттепели» появились хиппи. В 90-е и нулевые, когда страна переживала развал СССР, Чеченскую войну и экономический кризис, в нашей стране появились основания для возникновения новых, порой криминальных молодежных объединений (люберецкие группировки, скинхеды и т.п.). В это же время, бросаая вызов обществу, возникают панки, готы и рэперы. Далее, в период активной поддержки со стороны государства спорта, появляются спортивные и околоспортивные субкультуры. Именно в это время происходит расцвет молодежных субкультур.

Некоторые субкультуры являются заимствованными, чаще всего из стран Европы и США. К ним относятся стилиаги, панки, готы, толкиенисты, томбой и многие другие. В современном российском обществе активно набирают популярность субкультуры Японии и Кореи, к которым относятся аниме, К-поп, ольчжан. На сегодняшний день все актуальнее становится проблема экологии, здорового образа жизни, правильного питания и т.д. — появляются соответствующие ЗОЖники, Zero Waste. Кроме того, стремительный технический прогресс заменяет общепринятые коммуникативные навыки общения на виртуальные формы взаимодействия. Появились виртуальные субкультуры — гики (бывшие геймеры) и киберспортсмены.

Духовно-нравственные ценности молодых людей под влиянием общих мировых интеграционных процессов значительно изменились, принимая более обширное, контрастное и сублимированное состояние. Молодежные субкультуры современности — это разделение молодого поколения на множественные разношерстные группы, сообщества, организации, которые стремятся не только проявить себя лично, но и выстроить новую систе-

му этических ценностей, повлиять на общее развитие экономики, политики, образования, экологии. Насытившись свободой выбора внешних элементов и факторов индивидуализации личности, получив неограниченную свободу делать желаемое во всех аспектах жизни (слушать любую музыку, носить любые прически, пропагандировать любые идеи) постепенно происходит эмоциональное истощение, понимание бессмысленности и бесперспективности такого образа жизни.

Начинает формироваться молодое поколение, которое постепенно отходит от принципа потребления, появляются люди, стремящиеся к более высоким целям — изменить мир, участвовать в политической и социальной жизни страны. Их приоритетами становятся пропаганда здорового образа жизни, рационального потребления и бережного отношения к планете. Наблюдается рождение молодежи, как гражданского субъекта. Стоит учитывать, что это касается только в отношении определенной части молодежи, которая начала публично заявлять себя. Однако, идеи этой продвинутой части молодежи начинают восприниматься и более широкими группами. Этой же точки зрения придерживается ведущий российский специалист в области социологии молодежи, философ, доктор социологических наук, профессор Е.Л. Омельченко⁶.

Однако, не стоит спешить относить их к субкультурам в четком понимании этого термина. Все же субкультуры — это жесткие закрытые сообщества с четким кодексом поведения и внешними характерными признаками. Скорее можно говорить о появлении новых видов молодежных объединений, которые уже не так сильно привязаны к ярлыкам и точным определениям «кто ты». Специалисты Центра молодежных исследований Высшей школы экономики в Петербурге под руководством Е.Л. Омельченко предлагают новое понятие молодежных сообществ — это «солидарности». Для участников этих объединений значимыми в первую очередь становятся не внешние признаки, сленг или музыкально-литературные интересы, а внутренние нравственные ценности. Даже внутри достаточно сплоченных субкультур может происходить разделение по следующим критериям:

- патриотизма и космополитизма;
- авторитаризма и демократии;
- индентификации с востоком или западом;
- поддержки гендерного равенства или патриархата;
- сексуальной свободы или сексуального контроля;
- религиозности, атеизма или агностицизма;
- отношения к мигрантам (особенно это было актуально в начале 2010-х годов);
- лояльности к власти или борьбы с ней.

Именно сегодня происходит разделение молодежных сообществ по мировоззренческому основанию на две основные группы:

- тех, кто продолжает придерживаться принципа удовлетворения своих первичных потребностей (к ним относятся субкультуры, основанные на музыкальных и литературных предпочтениях, хобби и досугово-развлекательных интересах);
- тех, кто стремится свои потребности перевести на уровень «я могу и хочу изменить мир» (к ним относятся различные субкультуры спортивных направлений, приверженцы здорового образа жизни и другие).

Исходя из этого анализ этических норм молодежных субкультур, их динамика и развитие приобретает значительную мировоззренческую актуальность, которая диктуется необходимостью выработки существенных изменений в методах воспитании молодого поколения и формирования новых духовных и качественно целостных нравственных приоритетов.

Список литературы

1. Бельский В.Ю., Традиции и креативность в современном обществе: социально-философский аспект. Журнал: «Вестник Российского философского общества» № 4(88), С.18—22, 2018
2. Громов Д.В. «Молодежные субкультуры Москвы»/ сост. Д.В. Громов, отв.ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009 г.

3. Гусев Н.Н. «Молодежь в современном российском обществе», сборник научных статей. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016 г.

4. Социология молодежи. Под ред. В.Т. Лисовского. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1996 г.

5. Кон И.С. Социология молодежи. В кн.: Краткий словарь по социологии М., 1988 г.

6. Мишель Маффесоли — перевод статьи «Каждому своя триба: от контракта к пакту» из книги «Человек постмодерна», М. Пророкова, Посредник. Массмедиа, общество и культура / Научн. ред. В.А. Подорога, отв. ред. А.А. Парамонов. М.: Р. Валент, 2016.

7. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», ст.2.

8. Brake M. Comparative Youth Culture. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. Перевод с английского.

9. <https://meduza.io/feature/2019/10/14/govoryat-ranshe-molodye-lyudi-v-rossii-stanovilis-neformalami-a-teper-liberalami-eto-pravda-protest-novaya-subkultura> Молодежь в России действительно политизируется?

10. <https://postnauka.ru/longreads/2491> Громов Д.В. «Основные параметры и закономерности формирования молодежных субкультур» 29 июня 2012 г.

¹ Социология молодежи. Под ред. В.Т. Лисовского. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1996 г.

² Кон И.С. Социология молодежи. В кн.: Краткий словарь по социологии М., 1988 г.

³ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», ст. 2.

⁴ Brake M. Comparative Youth Culture. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. Перевод с английского.

⁵ Мишель Маффесоли - перевод статьи «Каждому своя триба: от контракта к пакту» из книги «Человек постмодерна», М. Пророкова, Посредник. Массмедиа, общество и культура / Научн. ред. В.А. Подорога, отв. ред. А.А. Парамонов. М.: Р. Валент, 2016.

⁶ <https://meduza.io/feature/2019/10/14/govoryat-ranshe-molodye-lyudi-v-rossii-stanovilis-neformalami-a-teper-liberalami-eto-pravda-protest-novaya-subkultura> Молодежь в России действительно политизируется?

Problems of the Modern Humanitarian Education in Russia

Проблемы современного гуманитарного образования в России

Dmitry Vladimirovich SHIKUNOV,
Deputy Head of the Department of Sociology and Political
Science at the Moscow University of Russian Ministry
of Internal Affairs named after V. Ya. Kikot, PhD in political
science, associate Professor
E-mail: office@unity-dana.ru

Дмитрий Владимирович ШИКУНОВ,
заместитель начальника кафедры социологии
и политологии Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя, кандидат политических наук, доцент
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования: Д.В. ШИКУНОВ. Проблемы современного гуманитарного образования в России. Социально-гуманитарное обозрение. 4/2019. С. 67—69.

Annotation. The article attempts to address the problems of development of humanitarian education in modern Russia, define the place and role of social Sciences in the General education system

Key words: the education system, humanitarian education, social Sciences

Аннотация. В статье предпринята попытка затронуть основные проблемы развития гуманитарного образования в современной России, определить место и роль общественных наук в общей системе образования.

Ключевые система образования, гуманитарное образование, общественные науки

One of the main problems of modern Russian society is the development of education in our country. Anyone who, to varying degrees, came into contact with the modern Russian educational system saw its deplorable state, its imperfections and its inability to solve the most difficult tasks that a new time posed to our society. Here it is possible to talk about gaps in school education, and about torture reform of academic science, and about many other things.

In particular, we would like to address the issues related to international humanitarian education and State policy in this field. However, before I would like to recall a little about the history of the formation of the domestic education system.

Since the 19th century, Russia has developed two models of education — the Russian and the special.

The special model was intended for persons with a practical home of mind and trained specialists for the Russian industry and small economy. This was where Russian merchants and industrialists sought to give their children to study.

Graduates of real or commercial schools continued their education in higher schools and institutes. The system of special education included, of course, military-educational institutions, where the children of nobles received military education in the vast majority.

The general model was designed to promote primarily theoretic knowledge. Gymnasium and university education built on the classical model and at its core gave a general universal approach with a broad outlook in the field of learning. It is unfortunate that most outstanding statesmen of that era had behind their shoulders precisely university education. At the same time, many well-known public figures, including revolutionary figures, also studied at universities. They studied at the university not only from the noble class, but also a large proportion of the diverse population. In the early 19th century, Russia was divided into 6 educational districts with a universal-volume in each district. Subsequently, this model improved and the number of universities grew.

During their seven years in grammar school, children studied ethics, aesthetics, letter-tour, poetry theory, foreign languages (more often French and German), Latin and Greek languages, history, geography, music, statistics, commercial theory, and the mathematical cycle (algebra, physics, trihometry, geometry). The graduate of the gymnasium already had a set of general knowledge, became already sufficiently educated by those times young human-com. At the university, yesterday's gymnasium player received an even wider course. At the beginning of the 19th century Moscow University had 4 faculties: 1) physical and mathematical sciences, 2) moral and political sciences, 3) slowweight sciences, 4) medical and medical sciences. However, there was also a rather extensive course in philosophy and other social sciences at the Faculty of Physics and Mathematics. A university graduate who wished to serve the State and entered public service began the service with an officer rank (according to the rank sheet) and could claim to be a half-member of the personal nobility.

In Soviet times in the 20th century the educational model was somewhat changed, but its two-link (general and special parts) was preserved. The class of the students disappeared, but the principle of class selection of the student came to its place, when at admission preference was given to you-walkers from the working class and the labor peasant, and only then from the intelligence. In addition, quotas for students from national republics and restrictions on admission to university for persons of Jewish origin have been introduced. In the field of humanitarian education, the main methodological principle was the Marxist-Leninist approach, the most important disciplines — Marxist-Leninist philosophy and the History of the Communist Party.

In general, it is safe to say that both Tsar's Russia and the Soviet Union have always received attention to the education system, as the Government has always had an awareness of the importance and importance of this process in the education and preparation of new generations. Social sciences have always been at the vanguard of scientific knowledge, forming and fertilizing ideological knowledge, preparing those who will have to ideologically defend the dominant world-view and then become part of the ruling elite.

What now? Why today is only lazy not talking about the crisis in Russia of humanitarian knowledge and the system of education in general and humanitarian education in particular?

With regard to the education system, it has recently changed considerably. At the secondary level, the role of special (vocational) education has declined dramatically. A much larger number of schoolchildren seek to graduate from 11 classes in order to enter higher education institutions. At the same time, the number of places in institutes, academies and universities has significantly increased both due to the emergence in the second half of the 1990s and early 2000s of many non-State higher education institutions, and due to the expansion of recruitment to State educational institutions, primarily through the recruitment of students on a commercial basis. The quality of education has fallen sharply.

In addition, there was some substitution of concepts when a higher education institution training engineers, military or doctors to increase the level of prestige, increase funding from the budget and attract additional applicants received the official status of a university. Universities have come to be called universities, which should train narrow specialists and belong to the system of special higher education. Are such educational institutions capable of giving students a full-fledged University education? And do they need to do that?

The forced introduction of the Bologna model of education still causes irritation and criticism from teachers working in the system. She is so far alien and unusual to them. Those who promoted the system did not always seem convincing. It is not yet clear whether the bachelor can actually be considered to have received a higher education, and who is better prepared — a specialist or a master? In what ratio are the master's thesis and the thesis of the Candidate of Sciences? This introduces uncertainty and confusion in the very understanding of higher education.

The difficult conditions of market relations could not but affect humanitarian education. It had to adapt and survive regular underfunding and partial self-sufficiency.

In our view, humanitarian education over the past 25 years (an opportunity to begin earlier) has ceased to perform the important functions it previously performed in relation to society. The demand

for a specialist in the field of humanitarian knowledge has decreased dramatically. In 2009, former Minister of Education and Science A. Fursenko said at a meeting with university rectors: «There are no jobs for graduates of humanitarian specialties.» That is, the Government at that time did not see a need for training specialists in the field of public knowledge. Council A. Furchenko for university rectors: «It is your direct duty — to re-direct and reorient children to other specialties, and to make them after university in demand in life, rather than for years looking for a job.»

The Public Chamber of the Russian Federation, in its report «Education and Society: Is Russia Ready to Invest in Its Future,» assessed the state of humane education as follows: «The academic tradition is breaking, scientific schools do not arise, intellectual and cultural degradation is taking place.»¹

Those who investigated the problem of the humanitarian education crisis and the non-demand of specialists in this field, wrote both about the peculiarities of the labour market in Russia and about the imperfections of the legislative framework, accused of this the underdevelopment of civil society in Russia and the legacy of the Soviet past, when social sciences had to develop in isolation from world social and scientific thought.

It seems to us that this is not only about some objective circumstances, but also about the absence of a clear and well thoughtful programme for the development of education in our country and humanitarian education in private.

The attempt to adopt new Western standards and models in the 2000s yielded a relatively positive result only for natural science knowledge. The works of Russian scientists here are generally in demand both at home and abroad. Publications of our physicists, mathematicians and other scientists (both theorists and practitioners) have high indices of citation in the world»s most famous journals, young specialists are in demand both on the domestic and external labour market.

Unfortunately, this is not the case in the humanities. Perhaps so far neither the authorities nor Russian business see the practical expediency of «investing» in the promotion of public scientific thought.

In the labor market, economists and lawyers find it increasingly difficult to find jobs every day, and historians and philologists still do not need jobs there.

The methodology for assessing the activities of humanitarian scientists has not yet been fully accepted by them and is receiving increasing resistance. The system of citation of scientific works and the absolute idea of originality of the text of scientific works sometimes brought the scientist to absurd. For your money, your work can be printed in any quoted lot. A huge number of intermediaries appeared, ready to earn both on scientific publications and on increasing the originality of the text of your work, bringing it to 101%.

Finally, the problem still lies in the special dependence of humanitarian education on power structures. The government always seeks to justify its importance and legality through scientific research. Hence the problem with the methodology of this scientific work. The path to finding truth is replaced by references to authority in power. The Rector of the Moscow University named after M.V. Lomonosov V.A. Sadovnichy offers a way out of this situation, saying that the Universities themselves should strengthen their influence on power through the training of senior managers at universities, as well as through participation in the examination of state decisions. He writes: «We must not repeat the mistakes of Soviet time, when the authorities regularly ignored or significantly limited the influence of science and higher school on the life of the state and society. But then there was a monopoly of one ideology. It is important that now the interests of science and education are priority in the state»².

---

¹ http://www.akvobr.ru/gumanitarnoe_obrazovanie_problemy_i_perspektivy.htm

² <https://refdb.ru/look/2844580.html>

Издательство «ЮНИТИ-ДАНА»

(основано в 1990 г.)

Предлагает полный (или частичный) комплекс услуг

- **по допечатной, издательской подготовке** (редактура, верстка, корректура, художественное оформление и дизайн):
  - учебной литературы
  - монографий и научных изданий
  - беллетристической литературы
- по высококачественному полиграфическому исполнению изданий.

Уже несколько поколений студентов занимаются по учебникам «ЮНИТИ-ДАНА».

Преподавателям и студентам хорошо известны наши серии «Золотой фонд российских учебников», Gogito ergo sum» и «Зарубежный учебник».

Марка «ЮНИТИ-ДАНА» известна не только в России, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Некоторые книги ЮНИТИ переведены на китайский, польский и немецкий языки.

Издательство регулярно включается в рейтинги ведущих издателей учебной и научной литературы.

Издательство — неоднократный победитель российских и международных книжных конкурсов, обладатель дипломов и благодарственных адресов.

Высококачественное полиграфическое исполнение изданий «ЮНИТИ-ДАНА» обеспечивает наш постоянный партнер: *ООО Красногорский полиграфический комбинат*.

123298 Москва, ул. Инины Левченко, 1
Тел.: 8-499-740-60-15. Тел./факс: 8-499-740-60-14
unity@unity-dana.ru
www.unity-dana.ru